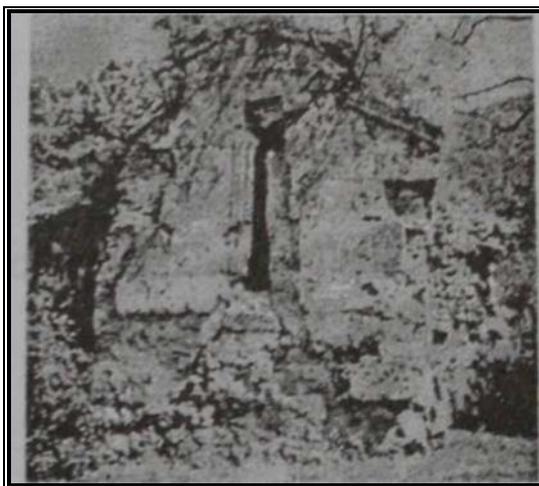

*Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт Археологии и Этнографии*

Виляят Керимов

*Храм Зейзит
Кавказской Албании*

История • Архитектура • Археология

Издательство "Элм"

Ваку 2008

Рецензент: доктор исторических наук Т. Ахундов

Керимов В.И. Храм Зейзит Кавказской Албании.
Баку: «Элм», 2008. - 120 стр.

ISBN: 5-8066-1765-3

Книга представляет собой курс по истории, археологии и архитектуре Кавказской Албании и является, прежде всего, исследованием истории культуры этой страны.

Предлагаемая вниманию читателей монография является как бы первичным сводом имеющегося материала по Северо-Западному региону Азербайджана. Большое место в книге уделено закономерности *развития* культовых сооружений, культовым представлениям племен, красоте ювелирных изделий и культурного наследия Кавказской Албании.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

0503020907

655 (07) – 2008

В.И.Керимов, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написание архитектурно-археологического очерка о храме Зейзит не ставила себе целью непосредственного освещения чрезвычайно сложных и важных вопросов происхождения и формирования культурного наследия Кавказской Албании, для разрешения которых автор по характеру своей квалификации считает себя подготовленным. Книга посвящена исключительно истории архитектуры и археологии северо-западной области Азербайджана, причем не на всем протяжении ее истории, а лишь от античности до средневековья.

Предлагаемая вниманию читателя книга не представляет собой курса по археологии и архитектуре Кавказской Албании, а является, прежде всего, исследованием по истории культуры этой страны. И поэтому в ней не всегда возможно было выдержать равномерное изложение исторического процесса. Некоторым вопросам, требовавшим специального разбора и рассмотрения, было уделено больше место и внимания, что иной раз приводило к известному отвлечению внимания от основной линии изложения. В каждом разделе не было возможности или необходимости производить специальные изыскания. Они были изложены более сжато, и, быть может, изложения в них более последовательны с точки зрения этой основной линии. Хотя, возможно, такая структура книги отчасти может затруднить ее чтение более широким кругом читателя, и все же, как нам кажется, книга представляет интерес не только для специалиста. И поэтому мы стремились сделать изложение в основном тексте по возможности ясным и доходчивым, а построение основного текста таким, что читатель сможет найти в книге не только специальные экскурсы, но в первую очередь и изложение самой истории культуры Кавказской Албании.

Перед нами стояла еще и другая задача. Книга должна была явиться как бы первичным сводом имеющегося материала по северо-западному региону Азербайджана, хотя и не претендующим на исчерпывающую полноту и в то же время

оказать помощь при дальнейшем исследовании затрону, проблем, а также при работе над вопросами происхождения и формирования как культово-мемориальных сооружений так и этнического состава населения, вошедшего в состав албанского государства. Поэтому мы уделили, много места данным для рассуждения о вопросах происхождения крестовокупольных типов культовых сооружений в странах Востока и Южного Кавказа, закономерности развития монументальных культовых сооружений Кавказской Албании, о культовых представлениях племен, населявших данную область, особенности культурного наследия племен в северо-западной области Албании и исследованиям, в частности храма Зейзит.

Автор отдает себе отчет в том, что на многие обстоятельства истории культуры данного региона можно взглянуть иначе, чем по было сделано в данной книге. Скудность и однородность источников, а для ряда периодов их противоречивость, вынуждает каждого исследователя дать широкий простор гипотетическому построению. Ни водной области, как в древней, так и в средневековой истории не создано столько разнообразных, противоречивых и часто фантастических концепций, касающихся хронологии политической истории и других сторон историографии, как в области истории и культуры Кавказской Албании.

Разумеется, что гипотезы и предположения не отсутствуют и в настоящей книге, хотя мы и стремились строить свои предположения строго на основании объективных данных. Естественно, что тот внешний ход событий, который реконструируется в данной книге, нельзя рассматривать во всех своих частях как непоколебимо установленный факт. Не следует расценивать данный труд как замысел автора построит окончательную схему истории культуры Кавказской Албании. Предлагаемую книгу следует рассматривать, не как конец, а как начало работы над созданием истории культуры Кавказской Албании.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОГО КУЛЬТОВОГО ЗОДЧЕСТВА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Кавказская Албания-это страна древней культуры, истоки которой прослеживаются с древнейших времен.

Письменные источники свидетельствуют о древней и высокой культуре населявших Албанию народностей (1,2,3,4). Свою культуру, выросшую на древних местных традициях и слагавшуюся во взаимосвязи с культурой других народов, албаны продолжали развивать на всем протяжении своей исторической жизни, которая была насыщена непрерывной и тяжелой борьбой, защищая свою независимость.

Сохранившиеся до наших дней памятники архитектуры и археологические раскопки могут рассказать о многогранной культуре Кавказской Албании, которая складывалась и развивалась на протяжении многих столетий (5, 6).

Античные и средневековые историки отмечали, что страна Албан является одной из древних стран Востока с древнейшей культурой (7).

Территория Кавказской Албании издавна находилась на пересечении важных торговых путей, ведущих с Востока на Запад и на определенных этапах своего развития становилась центром торговли, развития религии, архитектуры и искусства. Многочисленные руины сооружений, образцы орудий труда, а также предметы быта, обнаруженные во время археологических раскопок показали, что племена, населявшие территорию Кавказской Албании умели создавать уникальные сооружения, отличающиеся оригинальностью форм и богатством декора. (8).

В памятниках материальной культуры Кавказской Албании отражались мышления народа, его любовь к жизни, к природе с одновременным формированием художественного вкуса и чувства прекрасного.

Рассматривая культовые сооружения на территории исторического Азербайджана мы видим, что они дошли до нас многократно перестроенными и об их апостольском начале напоминают лишь археологические материалы (9). В этих сооружениях воплотились великолепные пространственно-композиционные идеи и высокое профессиональное мастерство албанских зодчих.

Архитектура Кавказской Албании основываясь на древневосточной тектонике, а через нее досталось и другим странам Кавказа. Но характер освоения этого наследия различными странами осуществляла с определенными различиями. В Кавказской Албании древневосточная культура никогда не прививалась глубоко, и те ее элементы, которые проникали в культуру Албании, были переработаны на основе местных мировоззрений. Через Албанию культура стран Кавказа глубоко усваивает албанское наследие и каждая по своему продолжает разрабатывать те проблемы, к которым подошли и на которых остановились.

Центральной проблемой албанского культового зодчества являлась разработка внутреннего пространства как самостоятельной архитектурной задачи, признание его положительным содержанием архитектуры как искусства и окончательное преодоление взгляда на внутреннее и наружное пространство, как на фон, на котором вырастают культовые сооружения. Эта проблема, которая разрабатывалась не только в албанской архитектуре, но была и очередной проблемой мирового архитектурного развития. Освобождение замкнутого внутреннего пространства, как самостоятельной архитектурной величины, являлось основным достижением албанской архитектуры, на котором целиком основывается дальнейшее развитие культовой архитектуры стран Кавказа.

С этим тесно связан огромный интерес к проблемам архитектурной инженерии, который проявился в албанской

культовой архитектуре, особенно в эпоху средневековья, когда албанская архитектура достигла своего высшего расцвета. Техника и конструкция в восточно-деспотических архитектурах кажется зачаточным, когда сравниваешь их достижения с памятниками архитектуры Кавказской Албании. Культовая архитектура Албании выдерживает сравнение только с готической архитектурой, которая по тонкости расчета и рискованной конструкцией даже превосходит архитектуру не только Кавказской Албании, но и всего Кавказа. В обоих случаях и в Албании, и в странах Западной Европы так сильно выраженный интерес к архитектурной инженерии связан с тем, что эти архитектуры сосредоточивают свое внимание на проблеме замкнутого внутреннего пространства и на освобождение его от господства массы, на которую они разлагаются. Однако, внутреннее пространство можно оформить только посредством охватывающей его материальной оболочки, но тем не менее можно главный акцент перенести на само пространственное ядро и мыслить оболочку только как средство оформления пространства, лишая ее самостоятельной выразительности и доводя ее в архитектурно-художественном смысле до отрицательной величины, до степени системы пространственных знаков, совершенно подчиненных охватываемому ими пространству. Именно такова масса в албанской культовой архитектуре, начиная с I века превратившаяся в изящную форму со своим внутренним пространством. Но такое понимание материальной оболочки здания, целиком вытекающее из господства в Албании замкнутого внутреннего пространства, требовало технических и конструктивных возможностей, которые и не мерещились восточно-деспотическим архитектурам с их гигантскими нагромождениями сплошных масс.

Лишь в античный период тектоника породила интерес к конструкции как самоцели. И только в странах античного

мира в связи с постановкой проблемы замкнутого внутреннего пространства обнаружился живой интерес к архитектурной инженерии, приведший к открытию бетона. Появилось стремление освободиться от излишних масс и ограничиться минимумом телесности, которое намечает основное направление дальнейшего развития архитектурной инженерии.

Надо отдать должное, что унаследованная от древневосточных стран, культовая архитектура Кавказской Албании, где имело место преобладание масс здания над их внутренним пространственным ядром, препятствовало в Албании разворачиванию этого процесса. Феодолизируемая Кавказская Албания в своей архитектурной инженерии перенесла акцент на внутреннее ядро древне-христианской базилики. Только благодаря албанской архитектурной инженерии стало возможным довести до минимума массивную оболочку, охватывающую замкнутое внутреннее пространство, и вместе с тем сделать эту оболочку максимально эластичной, так чтобы она в своей конструкции сама отошла на второй план перед формированием его пространства.

Однако освобожденное средствами блестящей архитектурной инженерии замкнутое внутреннее пространство находилось в Албании на службе у религии, оно было проникнуто религиозно-мистическими идеями и служило для распространения среди огромной людской массы, которую оно вмещало, феодально-религиозной идеологии. В этом глубокое сходство албанской культовой архитектуры с архитектурой стран христианского мира.

Как было отмечено выше в историческом и культурном наследии Кавказской Албании особое место занимают культовые монументальные сооружения. Высокая емкость зрительно-эмоциональных впечатлений делает их необычайно притягательными. Неповторимость и своеобразие средневекового монументального культового зодчества Кавказской

Албании обусловлены общностью исторического развития и художественного видения, выработанного длительной эволюцией культуры албанского народа. В единстве и многообразии интерпретаций архитектурных форм была отражена своеобразная летопись народа населявшего Албанию.

С принятием христианства в качестве государственной религии в Кавказской Албании, как известно, формируется новая культовая монументальная архитектура, сыграла решающую роль в развитии монументального искусства не только на Южном Кавказе, но и в других странах христианского мира на протяжении всего средневековья.

Культовая монументальная архитектура Кавказской Албании, как и архитектура стран христианского мира прошла два этапа.

Первый этап, это культовая архитектура замкнутой христианской общины как в средневековых городах, так и в сельской местности, архитектура, как бы изолировавшая себя от внешнего мира, стремившаяся отрешиться от него, рассчитанная на ограниченный круг молящихся, объединенных социально. Это были храмы в виде однефных построек зального типа, нарочито плохо освещенных. Полумрак в этих храмах порождал мистическое ощущение близости к божеству. Культовая монументальная архитектура Кавказской Албании была лаконична и сурова по своим формам, почти лишена декора.

Социально-экономические условия и религиозные верования - древнее зороастрийское и вытеснившее его христианство, имели существенное значение и в развитии архитектуры. Новшества в архитектуре были многолики и многогранны.

Процесс возрождения культового монументального зодчества кавказской Албании представлял целый законченный цикл, который определенно рисуется как в древний период в ряде стран Ближнего Востока, так и в последующие периоды в ряде стран Средней Азии и Западной Европы.

Надо отметить, что формирование культовой архитектурной композиции находилось в прямой зависимости от функций, ради которых эта архитектура создавалась.

С усилением христианства в Кавказской Албании перед культовой монументальной архитектурой были поставлены новые задачи. Меняется система богослужения, а вместе с ней и вся структура храма, центром которого стал купол.

Перемены прежде всего сказались в сокращении масштабов храмов и церквей, которые создавались в тот период для определенного круга верующих. Уменьшение площади культовых сооружений все отчетливее сопровождалось повышением их пропорций в высоту. Усиление вертикальной оси храма или церкви придавало новое эмоциональное звучание постройкам, что было рассчитано на восприятие не только изнутри, но и снаружи, что дало толчок к интенсивному развитию купольной архитектуры. Экстерьер культовых монументальных сооружений Кавказской Албании приобрел большое эстетическое значение.

Изменение обликов храмов позволили полностью преобразить художественную сторону зданий и отчетливее увидеть взаимосвязь интерьера и фасада.

В основу детально разработанной символики храма были положены черты космогонические, а купол трактовался как небесный балдахин, под которым совершали богослужение. Храмы стали наполнять светом. Увеличили количество окон на фасадах. Все эти новшества в архитектуре культовых сооружений явились наиболее выразительными звеньями этого замечательного процесса.

Купольные храмы Кавказской Албании объединяет общий принцип композиционного построения. Над всей структурой сооружения, независимо от того, к какому архитектурному типу оно принадлежит, господствует поднятый на барабан высокий купол. Именно эта форма рассматриваемого зодчества

так или иначе была ориентирована на единую вертикальную ось, проходящую через вершину заостренную в зените конуса-кровли купола на барабане - заключено одно из существенных отличий памятников рассматриваемого зодчества от построек византийской, иранской, любой другой архитектуры, развивающейся в это же время.

Важно также отметить, что уже в наиболее ранних памятниках культового монументального зодчества на территории Кавказской Албании было осуществлено целенаправленное, творчески осмысленное вычленение средокрестья храма, его четверика, системы купола на квадрате в целом. Однако не все древнейшие среди этих памятников сохранились. Чем не менее имеется реальная возможность при освещении проблем генезиса купольных сооружений опереться на вполне определенный материал, на сведения источников, интерпретация которых еще нуждается в корректировке.

Таковы некоторые аспекты художественного содержания, архитектуры рассматриваемой эпохи. Каждый из этих аспектов - своего рода проблема, которую разрабатывали зодчие. Все данные проблемы в той или иной степени были свойственны средневековым архитектурам, преимущественно монументальным, притом архитектурам самых различных стран. В целом названные проблемы определяют новый архитектурный стиль средневековья.

Конкретное изучение развития монументальных культовых сооружений Кавказской Албании с несомненностью показывают, что, сколь ни разнообразны их архитектурные формы, в своих наиболее существенных чертах, они проходили одни и те же основные этапы не только по своему художественному и историческому содержанию, но и более или менее хронологически. Важно отметить, что общность эта не зависима от вероисповеданной принадлежности архитектур - христианской или мусульманской. Таким образом, развитие функционально

различных архитектурных композиций, разработка фасадов, усиление их пластичности, усложнение декора и его полихромность шли всюду параллельно и независимо по восходящей линии. В этом и выражалась закономерность развития монументального культового зодчества Кавказской Албании.

Литература

1. Мовсес Каланкатуаци История страны Алуанк (Пер. с древнеарм., предисловия и коммекг. Ш.В.Смбатяна-Ереван, 1984.
2. Балазури - Книга завоеваний стран. Пер.П.К.Жузе., Баку, 1927.
3. Алиев К.Г. - К вопросу об источниках и литералу ре по истории древней Кавказской Албании. В кн. ВИКА. Паку, 1962.
4. Мамедов Т.М. - Албания и Атропатена (по древнеарм. источникам), Баку, 1977.
5. Халилов Дж.А. - Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э.- III в н.э.) Баку, :.) ЭЛМ. 1984. 238с.
6. Бабаев И.А. - Города Кавказской Албании в IV и. до н.).-III в.н.э., Баку, ЭЛМ. 1990 236.
7. Киракос Гандзакеци - История (Пер. с древнеарм. Т.Тер-Григорьяна., Баку, 1946).
8. Геюшев КБ. Христианство в Кавказской Албании. Баку.1984
9. Керимов В.И. - Киш, Баку, 2003 Изд. «Чашыоглы» 156с. Стурфиел Б.

ХРАМ ЗЕЙЗИТ

Важность изучения Северо-Западной области Кавказской Албании для понимания истории средневекового Азербайджана в целом уже неоднократно отмечалась в археологической литературе (1; 2; 3). В результате проведенных в данной области архитектурно- археологических раскопок был накоплен большой фактологический материал, требующий обобщения. Но многовековая история Северо-Западной области Азербайджана особенно на ранних этапах пока не ясна во всей своей конкретности. Поэтому до настоящего времени является актуальным продолжение изучения отдельных вопросов истории региона , в том числе и вопроса проникновения и укрепления христианской идеологии в среде местного населения.

Внимание ученых, изучавших Северо-Западный регион Азербайджана, наряду с хорошо сохранившимися здесь памятниками материальной культуры, в первую очередь привлекали руины культовых сооружений. И это не случайно: при узости базы письменных источников и их тенденциозности, с чем постоянно сталкиваются исследователи средневекового Азербайджана, особое значение приобретают археологические раскопки, иногда единственный материал по истории христианства в Азербайджане (4).

Активно проводимая пропаганда и насаждения христианства в начале нашей эры вызвали необходимость значительного строительства храмов и монастырей (5). Изучение храмовых комплексов и погребений, определение относительно точных дат позволяют в общих чертах проследить процесс укрепления христианской идеологии среди населения глубинных районов Горного Кавказа и в частности Северо-Западного региона Азербайджана.

В настоящее время на территории Северо-Западного региона Азербайджана на скальных обрывах и его склонах известны

остатки примерно 70 христианских храмов, причем, надо полагать, что по мере расширения исследовательских работ их количество будет увеличиваться. В основном это строения, имеющие базиликальную в плане форму с одним-тремя нефами и соответственно с одной апсидой.

Храмы и прилегающие к ним некрополи в данной области пока изучены слабо. Обобщающие работы по этому вопросу отсутствуют, а большинство публикаций, посвященных исследованию отдельных памятников, в значительной степени носят описательный характер.

Для изучения начального этапа Зейзитского храма были проведены очистительные работы как внутри памятника, так и вокруг него. На памятнике были проведены тщательные обмерные работы.

Памятник дошел до нас в очень плохом состоянии. Вход в храм Зейзит расположен в западной части. Ширина входа достигала 90 см. Приблизительная высота входного проема достигала не более 1,80 см.

Стены храма сложены из местного известнякового бута с подтесанной лицевой стороной на фундаменте, стоящем на материковой глине. Толщина несущих стен достигала 80 см. В кладке углов как снаружи, так и внутри были использованы тщательно отесанные блоки. Некоторые из них достигали больших размеров (80х60х20; 75х65х22 см).

Стены сложены на прочном песочно-известковом растворе с добавлением толченой керамики.

Высота оконных проемов в храме достигала 1,5 м.

На внутренней стороне стен северной части штукатурка сохранилась на полную высоту и нанесена в два слоя. Еле заметно прослеживается роспись на штукатурке более позднего времени.

Во время археологических раскопок внутри храма в северной части стены были произведены раскопки. Было выявлено,

что фундамент, на котором стоял храм имеет ширину 1,20 м. при глубине 30 см.

Храм Зейзит стоит на очень твердом грунте. Грунт состоит из желтого суглинка вперемешку с мелким гравием. И нам кажется что не было смысла углублять фундамент на большую глубину, как это мы видим в храме Киш.

Фундамент выложен из рваного камня скальной породы темносеро-синего цвета.

На глубине 60 см по отношению к нулевой отметке не было прослежено культурных напластований. После зачистки верхнего слоя земли внутри храма на глубине 22 см. от уровня нулевой отметки была вскрыта мощенная площадка из глины. Его остатки нетронуты только в северной части внутри храма. Высота вымостки пола достигала 3,3 см. В некоторых местах вымостка достигала 5 см.

Конструктивная часть храма Зейзит внутри выполнена из хорошо тесанного известняка местной породы. Из того же камня выполнен свод купола, апсиды и барабан. Нижняя часть стен выложена из рваного камня. Местами на стенах храма прослеживается ремонт и штукатурка более позднего периода. На барабане храма Зейзит оконные проемы не прослеживаются. Лишь в одном месте виден след оконного проема, ширина которого достигала 40 см.

Наклонные грани купольной части храма преобразовывались, вероятно, на определенной высоте в восьмигранный сомкнутый свод. Однако отсутствие данных, точно фиксирующих форму купола храма, затрудняет исследование многих проблем, связанных с изучением этого памятника. Но, несмотря на все сложности исследования храма Зейзит, нам все же удалось собрать достаточно информации, что позволяет оценить особенности построения венчающей главы храма в самых общих чертах.

В пользу первоначальности форм купола рассматриваемого

памятника свидетельствуют реликтовые образцы с куполами-башнями: такие памятники позднеантичного периода как Кильсадаг, Лекит и Мамрух датирующиеся II-V вв. н. э.

В памятниках, хронологически следующих за храмом Зейзит с несохранившимися купольными постройками, следует отметить два храма в монастырском комплексе Едди кильсе, датируемые VI-VII вв.н.э., где невысокие барабаны куполов представляющие внутри правильную полусферу, а снаружи образуют восьмигранный барабан с четко оформленным четвериком.

Восьмигранные барабаны, основанные на ложчатых или конических тропях встречаются и на территории Южного Кавказа в более позднем периоде.

Крыша храма Зейзит была покрыта черепицей. (Керамиды довольно больших размеров (34-36x47x49 см), со сливным валиком и без них.

Во время раскопок вокруг храма в общей сложности были собраны более 90 обломков керамида. Фрагменты черепиц залегали в различных слоях и на поверхности.

Определяя характеристику этого сооружения нам было необходимо установить непосредственные прототипы и ближайшие аналоги Зейзитского храма, то есть определить его место в эволюционном ряду памятников зодчества Кавказской Албании.

По типологической схеме Зейзитский храм принадлежал к крестовокупольным храмам с выступающей наружу апсидой. Построен он из местной мелкозернистой желтоватой цемзы на известковом растворе.

Крестовокупольный храм Зейзит характерен для построек V-VIII вв. н.э. в Кавказской Албании.

Архитектурно - археологические изыскания на памятнике дали основание полагать, что храм был построен в один строительный период. Это подтверждается вскрытием

путем шурфа и раскопок в нескольких местах памятника. Керамика, выявленная в период раскопа дала датировку II-VI; VIII-XIII вв. н.э.

На данном этапе, проанализировав исторические условия, в которых создавался храм Зейзит, мы не могли не принимать во внимание и опосредованное влияние типичного для Кавказской Албании приема окружения каменных храмов, имевшего очень древние традиции.

Но одно дело типологический прототип, а другое - непосредственный образец, который мог использоваться для сложного процесса разбивки храма на земле то есть его размерения. В древний период Кавказской Албании при отсутствии масштабных чертежей выбор типа храма и его строительство производились по аналогии с осуществленными постройками. Поэтому для разметки очертаний здания на строительной площадке нужны были мастера, знакомые с особенностями геометрического построения подобных храмов.

Анализ показывает, что строителями храма Зейзит являлись по всей вероятности местные мастера. Во всяком случае, местным строителям был знаком характерный для местной архитектурной школы прием строительства, что они и использовали в своей практике.

Как показывает геометрический анализ основой для начала построения крестовокупольного храма Зейзит служил квадрат, описанный вокруг всего сооружения. На пересечении диагоналей этого квадрата был расположен купол, что придавало всей композиции центрический характер.

Приведенные выкладки позволяют предполагать, что непосредственным образцом, от которого отталкивались строители храма Зейзит являлись христианские храмы как расположенные на территории исторического Азербайджана, так и в буферных зонах, прилегающих к ней.

Надо так же отметить, что албанские мастера механически

не повторяли образец, а творчески его применяли конкретных условиях, с учетом социального заказа, материала и строительных традиций.

Формирование албанской архитектурной школы проходило в условиях различных художественных воздействий. В результате скрещивания древне-тюркской структуры храмов и архитектурно - пластической античной архитектуры Кавказской Албании возникли оригинальные постройки из камня (6).

Архитектура храма Зейзит запечатлела духовную жизнь пограничного княжества, стоявшего на северных рубежах древнеалбанского государства, мастера которого впитывали и творчески перерабатывали достижения культуры многих народов на базе высоких традиций античности, ассимилированных народным творчеством албан.

Храм Зейзит расположен на северо-восточной окраине села, на лоне холма. Архитектура его уникальна и весьма ценна, поскольку отмеченный тип встречается очень редко на территории Кавказской Албании, а также на Кавказе. Строительных или других надписей не обнаружено. Памятник никогда не был предметом серьезного архитектурно-археологического исследования, никогда не ставился вопрос о его датировке.

Храм Зейзит сохранился в разрушенном состоянии. В конце XIX века купол церкви и стены, за исключением нижних рядов кладки, были разрушены. Снаружи были повреждены апсида и часть стены, примыкающие к дверному проему. В настоящее время памятник находится в еще более плохом состоянии. В частности из кладки западного, восточного и особенно южного фасада извлечены многие чисто тесаные камни облицовки, что создало серьезную угрозу для дальнейшего существования памятника.

Как было отмечено выше, храм был возведен из местного

камня известняка, внутри были использованы груботесанные камни. Храм относится к одноапсидному варианту крестообразнокупольных сооружений.

Храм Зейзит как внутри, так и снаружи имеет крестообразный вид в плане. Единственная дверь расположена со стороны западного фасада.

Восточная часть креста, внутри которой расположена полукруглая апсида, снаружи пятигранная. На трех центральных гранях расположены три оконных проема, имеющие относительно узкие и вытянутые формы, расширяющиеся вовнутрь. По одному подобному оконному проему расположены на остальных трех фасадах. В главной апсиде имеются две ниши полукруглого в плане. Переход от подкупольного квадрата к концу осуществлен с помощью парусов. Барабан купола круглой формы. С целью сокращения диаметра барабана увеличено число несущих купол арок-четыре с каждой стороны. В результате этого стены барабана естественно продвинулись по направлению к центру и своей тяжестью давят не столько на четыре несущие купол основные арки, опирающиеся на пристенные пилоны, сколько на несущие своды - второстепенные арки, три с каждой стороны. Весьма интересно архитектурное конструктивное решение, которое было применено в храме Зейзит.

Все сохранившиеся ряды карнизных поясов храма имеют однотипный сложный разрез. Декоративные скульптуры сохранились только на наличниках окон южного фасада. Горельеф охватывал все стороны наличника, однако сохранились декоративные камни в верхней части западного фасада.

Храм Зейзит имел черепичное покрытие. На полуразрушенном перекрытии и ныне можно заметить некоторые черепицы, слившиеся с известковым раствором. Обломки черепиц в большом количестве можно встретить вокруг храма.

Возле юго-западного угла храма сохранились остатки небольшого

сооружения, возможно – ризница. Другое полуразрушенное сводчатое сооружение примыкает к храму Зейзит с северной стороны. Сводчатое помещение, возможно, часовня, имеет дверной оконный проем с востока.

Дальше на северо-запад прослеживается еще одно сооружение, в настоящее время полностью разрушено. Видны следы фундамента.

Недалеко от храма находится кладбище, где сохранилось несколько нетесаных надгробных плит.

Проведенные предварительные исследования храма Зейзит показали, что вопросы сложения албанской культовой архитектуры еще изучены недостаточно. Несомненно и то, что при характеристике зодчества кавказской Албании и его генезиса нельзя исходить только из аналогии, подобия деталей и на этом основании строить выводы об истоках и путях формирования местной художественной школы. Необходимо проводить комплексный анализ, обращая внимание, прежде всего на объемно-пространственную структуру сооружения и принципы ее формообразования как определяющие типологические черты.

Сооружения, типологически близкие к храму Зейзит и аналогичные ему размерам и пропорциям планов, были широко распространены и бытовали на протяжении длительного времени по всей территории Кавказа, а также Черного и Средиземного морей, куда распространялось албанское влияние культового монументального зодчества. К ним в частности, относятся: церковь VII в. в Самцевриси (Грузия) (7, 8), церковь VII-VIII вв. Кармавор в Аштараке (Армения) (9), церковь XII в. в селе Бобошево и Спаревабана (Болгария) (10), церковь св. Дионисия в Бунисе (Сербия) - XI в. (11), церковь XI в. в Бин-бир-Килисе (Турция) (12), Сентинский храм X-XI вв. у сел. Верхняя Теберда в Карачаево-Черкесии (13), церковь X в. в Вышеграде (Польша),

а также многие другие (14).

Из приведенных примеров наиболее близок к храму Зейзит по пропорциям плана, дошедший до нашего времени в своем первоначальном виде Сентинский храм.

Сходство всех этих сооружений дает нам основание полагать, что все подобные сооружения имели общие корни культового монументального зодчества, несколько изменившие под влиянием различных местных традиций и не получившие еще в каждой местности свои локальные конкретные черты.

Литература

1. Казиев СМ. Археологические раскопки в Мингечауре. В кн.: Общее собрание АНСССР, посвящ. 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М-Л., 1948.
2. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. - III в.н.э.). Баку, Элм, 1984, 236 с.
3. Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.
4. Карахмедова А.А. Христианские памятники Кавказской Албании. Баку, Элм, 1986, с.28.
5. Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986.
6. Алиев И.Г., Асланов Г. Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане. Древний Восток, 2. Ереван, 1976, с.218.
7. Всеобщая история архитектуры. В 12-ти Т. Т.3.Л.,М. Стройиздат, 1966.
8. Северов А. Самцевриси. Разыскания института истории грузинского искусства. Т.П. Тбилиси, 1948.
9. Григорян В.-Малые центричные памятники Армении раннего средневековья. Ереван.1982.
10. Попов И. Пропорции в Болгарской архитектуре. София. 1955.

11. Дероко А.- Монументальная и декоративная архитектура в средневековой Сербии. Белград. 1962.
12. Ramsay W.M., Bell G.L.- The Thousand and One Churches L. 1909
13. Владимиров И.А.- Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области ИАК.1902. вот.4.
14. Słownik starożytności słowiańskich T.5,6 Wrocław; Warszawa, Kraków; Gdansk, 1975.

ПАМЯТНИКИ ЗОДЧЕСТВА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Многие достижения в изучении зодчества кавказской Албании на великом шелковом пути были сделаны благодаря привлечению значительного количества архитектурно-археологических памятников (1;2;3).

В настоящее время все актуальнее становится задача комплексного изучения данного вопроса с привлечением всех имеющихся в распоряжении науки материалов.

Надо отметить, что на протяжении столетий политические события в Кавказской Албании всегда играли большую роль в торговле Запада с восточными странами. Появление таких великих держав как Византийской и Сасанидской на стыке границы исторической Кавказской Албании послужило увертюрой по многим политическим событиям Передней Азии, имевшим большое влияние на культурно - экономическую жизнь огромной части ойкумены (4).

Удачное географическое расположение территории Кавказской Албании надолго стало театром военных действий между Востоком и Западом.

В зависимости от политического климата на огромной территории двух великих держав как Византия и Сасанидский Иран, а также в пределах стран, в разной степени зависящих или свободных от них, частично менялись и маршруты великого шелкового пути (5, с.65-92).

С древнейших времен территория Кавказской Албании имела значительные экономические связи между западным миром и восточными цивилизациями (6, с.267, 268, 270; 7, с.188, 189).

Налаживание постоянных торговых связей с Албанией как Запада так и Востока становилось жизненно необходимым. Для Запада это означало новые рынки сырья и сбыта, столь важные

для продолжения существующего способа производства; для восточных стран открывалось перспектива приобщения к экономическим и культурным достижениям огромной части ойкумены. В этих связях двоякой была роль территории Кавказской Албании. Объективно она являлась удобным проводником между восточными и западными соседями.

Уже в первые века нашей эры на территории северо-западной части Кавказской Албании четко прослеживаются торговые обмены между Индией и Китаем с одной стороны, и Римской империей-с другой.

В контактах Рима с Востоком в зависимости от сложившейся ситуации Кавказская Албания и страны Южного Кавказа играли более или менее значительную роль (8, с. 281).

Как было отмечено выше удачное географическое расположение Кавказской Албании позволило ей еще за шесть веков до начала регулярных торговых связей Римской империи с Востоком играть немаловажную роль в мировой торговле. По территории Кавказской Албании проходила часть шелкового пути, что обусловило культурно-экономический подъем городов Албании.

Появление особых экономических интересов политически обособляло Иберию и Армению от Кавказской Албании. Если Иберия и Армения тяготели к торговым путям из Переднего Востока в Малую Азию, то Кавказская Албания была органически связана с торговлей Востока и Ирана с Восточным и Северным Причерноморьем.

Свидетелем оживленной торговли, которую вела Кавказская Албания является большое количество памятников архитектуры, которые были расположены в городах и на путях великого шелкового пути (2).

Если в I в.н.э., согласно сообщению античных авторов, в Кавказской Албании упоминаются несколько городов

эллинистического периода, то уже в позднеантичный период и периода раннего средневековья наблюдается оживление городской жизни. В один ранг с античными городами ставятся города Партав, Гянджа, Нахчыван, Шемаха, Шамкир, Шабран, Шеки, Шатал, Бейлакан и др. В то же время строятся дороги и мосты, связывающие Кавказскую Албанию с Западом и Востоком. Вдоль великого Шелкового пути на территории Албании строились караван сараи, крепости, монастыри и церкви. Безусловно, активная городостроительная политика имела коммерческое значение. Города, которые были расположены на территории Албании играли двоякую роль в торговле, поскольку, с одной стороны, они связывали Кавказскую Албанию с Малой Азией, а с другой стороны, они являлись проводником товаров из Переднего Востока на Запад и к южному побережью Черного моря. Активному сношению Кавказской Албании способствовало и албанское население. Импортная посуда, украшения и монеты, выявленные на территории Албании в период археологических раскопок дают возможность проследить отзвуки торговли и культурного обмена Кавказской Албании с Малой Азией и Западом (9). Упомянутые города Албании играли также важную роль в торговле Сирии, Южной Месопотамии и Ирана с Малой Азией.

Переплетение политического и экономического соперничества наблюдалось и между буферными государствами Южного Кавказа. Например, такое соперничество существовало между Иберией и Арменией, выразившееся в стремлении прорваться к оживленным торговым путям, протянувшимся к югу от Куры. Эти буферные государства не являлись лишь звеном в торговле через Албанию. Они также влияли на эту торговлю. Порой орудием в таком соперничестве служили кочевники.

Победа того или иного государства также сильно влияла на судьбу торговли, иногда являясь причиной спада одних и

оживления других торговых путей не только на территории Кавказской Албании, но и далеко за ее пределами.

Таким образом, можно заключить, что период с середины I в.н.э. до VI в.н.э. был самым благоприятным и оживленным для северного торгового пути в Кавказской Албании.

Архитектурно-археологические исследования северо-западной области Кавказской Албании позволили выявить большое количество разновременных памятников.

В настоящее время более тщательному исследованию подвергся Кишский комплекс, который позволил датировать его позднеантичным периодом.

В 2004-2005 гг были произведены предварительные разведочные работы Зейзитского храма и прилегающей к нему территории. Археологические и архитектурные изыскания позволили датировать памятник V-VI вв.

Помимо Зейзитского храма в Щеки-Балаканской зоны большой интерес представляют также памятники позднеантичного периода, такие как Кильсадаг, Лекит и Мамрухский храмы, которые датируются I-VI вв.н.э. Еще ждут своего исследования такие монастырские комплексы как Катук и Пипаны.

Выше приведенные памятники зодчества северо-западной зоны Кавказской Албании показывают общность черт памятников Передней Азии и Южного Кавказа. Культовая архитектура Кавказской Албании позднеантичного и раннесредневекового периода, надо отметить, возникла не вдруг, а построена на достижениях античного наследия. Известна устойчивость храмовых типов, святость и символическое значение форм. Албанские зодчие перерабатывали архитектуру старых храмов, например, храм Луны, находящийся в большой священной густонаселенной албанской области, храмы Гелиоса и Зевса.

Приведенные нами некоторые данные позволяют прийти к следующим выводам.

Выявленные архитектурно-археологические памятники на территории северо-западной области Кавказской Албании свидетельствуют не только о политической и духовной жизни, но и о коммерческой конкуренции в Южном Кавказе между Византией и Сасанидском Ираном. Факты оживленной градостроительной политики в Кавказской Албании, наличие импорта, выявленного в результате археологических раскопок в северо-западной области Албании и соседних стран, анализ выявленных предметов, обнаруженных в Кавказской Албании и Южном Кавказе, а также данные о наличии оживленных торговых трасс, тянувшихся по всей территории Албании и соседних стран, и факт глубокого взаимопроникновения купцов разных стран в отдаленные от их родины пункты торгового пути свидетельствуют о возрастающей роли Албании в сухопутной торговле Запада с Востоком с середины I в.н.э. до VI в. н.э. На этом же промежутке времени в северо-западной области Кавказской Албании мы встречаем большое количество архитектурных строений. Свидетельством этого являются монастыри, церкви, крепости, поселения, города, а также археологические материалы, в основном датирующиеся I-VI вв.н.э. Одновременно выясняется, что позднеантичные города в северо-западной области Кавказской Албании служат доказательством сухопутной торговли между Востоком и Западом. Пограничные для Запада и Востока города в силу своего географического положения и сложившейся политической ситуации превращаются в крупные экономические центры, а территория Кавказской Албании по тем же причинам становится удобным каналом торговых сношений между народами Запада и Востока.

Было бы неверно думать, что транзитная торговля играла исключительную роль в экономике Албании и стран Южного Кавказа. Эти страны и особенно Кавказская Албания, граничащая с Малой Азией и Ираном вели также активную торговлю многими продуктами собственного рынка.

В настоящее время большая часть археологического материала в северо-западной части Кавказской Албании еще скрыта под землей, и многие спорные проблемы, по поводу памятников материальной культуры Азербайджана, с соседними странами пока окончательно не могут быть решены.

Литература

1. Керимов В., Стурфием Б.«Киш», Баку, Изд-во «Чашыюглы»2003,с.183, 73илл.
2. Мамедова Г.Г.Зодчество Кавказской Албании. Баку, Чашыюглу, 2004, стр.224, 108 илл.
3. Карахмедова А.А.Христианские памятники Кавказской Албании. Баку, Элм, 1986, с.28.
4. Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986.
5. Левиатов В.Н.-Азербайджан с V века до н.л. по III век н.л. Известия АН Азерб.ССР. № 1, 1950, С.65-92.
6. Геродот-История. Перевод с греческого Ф.Г.Мищенко, г. I, с. 267,268, 270. М. 1888.
7. Тураев Б.А. -История древнего Востока, II СПб. 1913, с. 235.
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, «Лукулл». Перевод В.В Латышева. ВДН., № 4, 1947. С.286.
9. Помохов Е.А. Обзор источников по истории Азерб. ССР в I (Источники, клинописные, греческие, римские (латино-язычные), византийские. Баку, 1940.

КРЕСТОВОКУПОЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

В архитектуре Кавказской Албании особенно большое значение имеет крестовокупольный тип храма, который уже в V-VI вв. в основном сложился в восточной школе христианского зодчества.

Трудно точно установить историю крестовокупольного типа до X века. Можно различить ряд вариантов, которые отчасти аналогичны вариантам базиликального типа (1; 2). Так, например, четырьмя подпорами купола в одних случаях служат колонны, в других - столбы (квадратные или крестообразные). При столбах сильнее подчеркивается массивность, при колоннах - пространственность. Полуцилиндрические своды ветвей креста могут со всех сторон окружать купол, и тогда мы будем иметь крестовокупольный храм на четырех подпорках, или полуцилиндрические своды могут окружать купол только с трех сторон, а четвертый полуцилиндр может быть заменен апсидой, непосредственно придвинутой к под-купольному помещению, так что только две подпоры стоят свободно, а с двумя другими слились стены апсиды (например, храм Зейзит), это-тип крестовокупольного храма на двух подпорах (3; 4; с.29).

Крест, составленный из четырех полуцилиндров с куполом над ними, может быть вписан в кубическое пространство, и тогда это крестовокупольный храм со вписанным крестом, для которого характерны свободно стоящие подпоры и угловые помещения (церковь Едди кильсе). С другой стороны, очень распространена крестовокупольная церковь с обнаженным крестом, в которой совершенно нет свободно стоящих подпор и в которой купол опирается на стены, образующие в плане форму равностороннего «греческого» креста (церковь Кабиздары).

Отношение между крестовокупольным храмом со вписанным и с обнаженным крестом можно было бы сравнить с отношением между с трехмерной и одномерной базиликой: внутреннее пространство при вписанном кресте гораздо более расчленено, причем отдельные его части связаны друг с другом открытыми пролетами, так что получается единое, но сложное внутреннее пространство. Напротив, при обнаженном кресте эта сложность пропадает, и усиливается массивность оболочки, пещерный характер внутренности и расчлененность наружного массива. Вариант с обнаженным крестом гораздо более соответствует принципам восточной школы архитектуры, чем и объясняется постоянная тенденция к нему в восточных странах христианского периода. Несомненно, что крестовокупольный тип сложился в восточной архитектурной школе, причем прототипы его имеются уже в восточной школе римской архитектуры (преторий в Муслине в Сирии) (5). Очень рано он появился и на Южном Кавказе, где он встречается, например, в албанской и грузинской архитектуре в маленькой церкви Креста в Мцхете около Тбилиси (545-586), в церкви Кабиздара в Закатальском районе V-VI вв. и в большом количестве других памятников, где он проделал своеобразное самостоятельное развитие.

Уже в VI веке мы находим данный тип в различных областях на побережьях Средиземного моря (Северная Африка, Синай, Сирия, Далмация, Константинополь). В Крыму он встречается уже в начале VIII века в Иоановской церкви в Керчи, в которой четыре колонны несут крестообразные столбы, как в ранних маленьких базиликах Трапезунда, а также в большом количестве они встречаются в Херсонесе (7).

РАННЯЯ КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЮЖНОГО КАВКАЗА

Сопоставление памятников архитектуры Южного Кавказа IV-VII и последующих веков с памятниками христианской архитектуры средиземноморских областей показывает, что в области архитектуры Кавказ в это время был тесно связан с христианским Востоком. Так, например, тип храма Зейзит в Шекинском районе V-VI вв., состоящий из центрального креста, образованного тремя прямоугольными рукавами и апсиды вокруг купола (5). Данный тип несомненно имел на Кавказе значительно более древних представителей: известные уже в V веке церковь Кабиздар в Закатальском районе, церковь Креста в Мцхете около Тбилиси VI-VII вв., и церковь Апостола в Ани, X-XI вв., которая представляет собой поздний образец центрального креста, распространенных в Южном Кавказе VI-VII вв. Но вместе с тем архитектура Южного Кавказа уже в это раннее время имеет свое довольно ярко выраженное лицо, которое позволяет тотчас узнать южно-кавказский памятник среди других памятников культового зодчества христианского мира. В ней очень сильны восточные элементы, особенно важно сопоставлены памятники культового зодчества Южного Кавказа с Иранскими.

Архитектурные типы раннего периода в Южном Кавказе очень разнообразны. Тут имеются и настоящие базилики и строго централизованные здания. При этом в архитектурных типах наблюдается более сложные и менее сложные варианты. Базилики встречаются однефные и трехнефные. Купольные здания либо непосредственно окружают подкупольное пространство нишами, либо усложняют план четырьмя прямоугольными ветвями креста между куполом и апсидами. При этом образуются угловые прямоугольные помещения, которые либо наглухо замыкаются

и совершенно отрезаются от внутреннего пространства зданий, либо открываются в него широкими пролетами, и тогда купол покоится на четырех столбах. Наконец, встречаются и базилики, перекрытые куполом, нефы которых в связи с этим обнаруживают тенденцию к укорочению. При этом важен промежуточный тип между однефной и трехнефной купольной базиликами, в котором купол опирается на четыре сильно выступающих из стен сплошных прямоугольных столба. Это «купольный зал». Боковые апсиды, соответствующие куполу, нередко тоже внедряются и в базиликальный план (6).

Во всем этом многообразии форм и типов можно однако выделить наиболее существенные подчас взаимно противоположные тенденции архитектурной композиции. Господствует очень типичное для Южно-Кавказской архитектурной школы стремление к недифференцированным и нерасчлененным наружным массам и внутренним пространствам, которые мы в очень большой степени наблюдаем также в Месопотамии. Такие постройки как церковь Кабиздар, V в., храм-Зейзит, VI в., собор в Багаране, VII в., в которых внутреннее пространство имеет форму развитого крестовокупольного креста, производят на Южном Кавказе впечатление исключения. В данных культовых сооружениях расчлененному внутреннему пространству этого времени характерно съезживание второстепенных пространств - боковых кораблей, ветвей креста, и полное господство главного пространства большого купола или центрального нефа.

Точно также и ниши, окружающие центральный купол, имеют совершенно неразрывную форму, так что их пространство поставлено обычно в полную зависимость от главного подкупольного пространства, от которого оно еще совершенно не отделилось, не доразвившись до самостоятельной пространственной ячейки.

Имеющиеся на Западе архитектурные типы с более расчлененным внутренним пространством как трехнефная базилика и крестовокупольная система, пришли в Западную Европу с Южного Кавказа, а именно с Кавказской Албании и подверглись переработке в сторону дифференцированного внутреннего пространства.

Особенно ярко стремление к своеобразной кавказской форме проявляется в композиции наружных масс ранних южно-кавказских церквей. Более крупные окна ранних памятников становятся все меньше и меньше, превращаясь в узкие щели.

Масса охватывает внутреннее пространство крепкой, толстой оболочкой, сгущая его и придавая ему пещерный характер. В здании господствует тяжелый наружный объем, напоминающий искусственную скалу. Все подразделения массы ступенчатые. Господствует огромный барабан широкого купола или средний базиликальный неф, остальные части здания присоединены к нему, причем они обычно незначительно выступают вперед и мало отделяются по своей высоте от главного массива, стремясь с ним слиться. Апсиды в ряде зданий скрывают в толще стен так, что наружный объем здания получает форму параллелепипеда. Между апсидами помещают ниши. Декоративная обработка поверхностей способствует слиянию отдельных слабо намеченных частей в единый и недифференцированный наружный блок.

Литература

1. O.Wulf T.-Die.Koimesiskirchc von Nikua, Strassburg 1903;
2. H.Spanner, S.Guyer.-Rusafa,Berlin,1926, s.375.
3. J.Rosintal-Pendentifs, trompes et stflfctites dans Jarchitecture orientale. Paris. 1928.S.248.

4. А.Тер-Мовсесян (Изв. археол. комиссии., 7), 1903, с.29.
5. J.Strzugovski-Die Baukunst der Armeier und Evropa. I, II., Wien. 1918.s.
6. Т.Торомонян (Зап.-вост. отдел. Русск. археол. общества, 19) 1909 с.
7. Брунов Н. Памятники ранневизантийской архитектуры в Керчи (Византийский временник, XXV), 1928.
8. Th. Fyfe-(Architektura Review, XII), 1907, s.

О КУЛЬТОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Погребальная обрядность, магия и языческие верования в божественность сил природы у северо-западных племен Кавказской Албании достаточно освещены в археологической литературе [1, с.54-56]. Выдвинута и гипотеза о принятии раннего христианства в данной области [2, с.54]. Цель данного исследования является по возможности всестороннее рассмотрение проблемы проникновения христианского вероучения во II-IV вв. н.э. на территории Кавказской Албании. Вопрос этот представляет первоочередной интерес в плане идеологической и социально-экономической характеристик местного общества. Кроме того, установление факта широкого внедрения христианского вероучения, видимо, возможного при быстрых темпах распространения лишь в однородной среде, безусловно, может иметь значение для установления этнической консолидации племен в первой половине I тысячелетия нашей эры.

Исследователи обычно выделяют два основных компонента погребального обряда - ритуальную, связанную с идеологическими установками данного периода, и материальную, выраженную в составе погребального инвентаря и отражающую этническую, социальную, половую и иную принадлежность погребенного [3, с. 18-22]. Оба эти компонента обычно достаточно устойчивы в хронологических и территориальных рамках определенной археологической культуры или этноса [4, с.83].

Вполне закономерно, что в случае изменения идеологической установки в обществе, или же появления новой этнической группы, это сразу же находит свое отражение в погребальных памятниках. Данные изменения могут носить кардинально инновационный характер, когда на смену

одним типам погребений с устойчивыми ритуально-обрядовыми элементами и набором могильного инвентаря, приходит совершенно иной погребальный обряд, или же эволюционный характер, когда в прежнем устойчивом погребальном обряде появляются новые элементы, которые определенное время сосуществуют с традиционными.

Исследованиями последних десятилетий также было установлено существование в северо-западной зоне двух господствующих погребений с труположениями. Одна часть составляет кувшинные погребения, другая - грунтовые, ориентированные головой на запад [5]. Отмечены также постепенное вытеснение кувшинных погребений и отличия в обрядовых нормах обеих групп. Тогда сразу же возникает сомнение в том, едины ли обе группы в отношении этнической принадлежности. Этот вопрос ставился еще и потому, что как выяснилось, кувшинные погребения появляются в большинстве случаев раньше, чем грунтовые. Во II-IV вв. н.э. те и другие более или менее продолжительный период сосуществуют.

Кувшинные погребения по своей распространенности занимают заметное место среди погребальных памятников Кавказской Албании. Этот обряд имеет довольно широкий ареал и датируется сравнительно большим отрезком времени. Кувшинные погребения зафиксированы по обоим берегам реки Куры, Ширванской, Карабахской степи и в предгорных районах территории исторического Азербайджана.

Возникновение кувшинных погребений своими корнями уходит вглубь веков. Эти памятники материальной культуры в разное время широко были распространены в странах Передней Азии и Кавказа. Кувшинные погребения обнаружены в Месопотамии, Иране, Греции, Крите, Италии и Испании [6, с.27; 7, с.36; 8, с.34-35; 9, с.67-68].

На территории Кавказа самые древние кувшинные погребения зафиксированы на территории Дагестана [10 с 283].

В IV в. до н. э. кувшинные погребения были известны в Колхиде [11] и Восточной Грузии (в Иберии), немного позже они начинают появляться на территории современной Армении [12, С.45-46].

На территории Азербайджана более древними являются кувшинные погребения в Мильской степи. Сравнительный анализ обряда погребения и погребального инвентаря дал возможность датировать эти погребения в пределах VI-III вв. до н.э. [13, с. 174].

В Кавказской Албании кувшинные погребения определенного периода были самыми распространенными памятниками и бытовали очень долго.

Во всех обследованных могилах на территории исторического Азербайджана погребальные кувшины располагались в горизонтальном положении.

Грунтовые погребения по своей распространенности занимают основное место среди погребальных памятников Кавказской Албании. Почти во всех областях Азербайджана, где проводились археологические работы, были обнаружены грунтовые погребения. Этот тип погребений является также одним из самых простых. Его появление на исторической территории Азербайджана относится к наиболее отдаленным временам. Установлено, что грунтовые погребения в массовом виде появляются еще со II тысячелетия до нашей эры.

Ялойлутепинское грунтовое погребение, как и другие подобные памятники материальной культуры Кавказской Албании, не имеет наземных признаков. В обследованных погребениях преобладает ориентация на запад-восток.

Грунтовые погребения из разных мест имеют некоторые отличия по обряду и времени. Расхождения в обрядах грунтовых погребений Кавказской Албании иногда присущи определенным отрезкам времени. Эти явления, вероятно, связаны с влиянием

связаны с влиянием исторических племенных различий и, может быть, проникновениями извне.

Грунтовые погребения, обследованные в северо-западном районе Азербайджана, заметно отличаются от остальных и в могильном сооружении (обкладка стен могилы камнями или плитами), и в деталях обряда (посыпка дна могилы известью, мелом, угольками или охрой, вытянутая рука на тазе или на бедре). Все эти элементы, как правильно отмечают исследователи, являются выражением архаических черт и следствием проникновения сарматского влияния на погребальные обряды данной области, расположенный по соседству с Сарматией [14, с.224; 15, с.209-210; 16].

Долгое существование, преемственность самого могильного сооружения, а также непрерывность и продолжение старых традиций в материальной культуре указывают на то, что эти памятники в основном относятся к аборигенному населению Кавказской Албании. Что же касается названных изменений в обряде и новых элементов, их нужно связывать с возникновением у местного населения новых черт по мере внутреннего развития и расширения культурно-экономических связей Албании с сопредельными странами.

Проводимый антропологический анализ остатков могильников в Северо-Западной области Азербайджана позволил ответить на поставленный вопрос о сходстве физических особенностей костяков обеих групп погребений. Их морфологические характеристики оказались идентичными как кувшинных, так и грунтовых само собой отпало. Именно тогда было высказано предположение, что переход от кувшинных погребений, нередко сопровождаемых богатым инвентарем, в особенности многочисленными сосудами, к «грунтовым», почти безинвентарным захоронениям, был обусловлен эволюцией культовых, идеологических представлений.

Была высказана гипотеза о связи этого явления с принятием христианства какими-то слоями населения Кавказской Албании в II-IV вв. н.э.

При всех условиях, однако, нет оснований сомневаться в древности обитания антропологического компонента албанцев в зоне нынешнего их расселения. Есть немало аргументов в пользу того, что этот антропологический тип был местным по происхождению.

Немногочисленные материалы, которыми располагают ученые, дают возможность иметь какое-то представление не только о внешнем виде - антропологических признаках древних насельников на территории исторического Азербайджана и смежных районов, но и о некоторых этнографических особенностях этих племен [17; 18].

Чрезвычайно важно также отметить, что население данной области принадлежало к одной антропологической группе [19]. Исключительное значение имеет и то обстоятельство, что новейшие исследования в области изучения распространения групп крови на Южном Кавказе показали высокую степень однородности по генным частотам кахетинского и азербайджанского населения Алазань-Агричайской долины и Шемахинской зоны [20, с. 196; 21, с.250]. Эта стабильность генных частот в своих средних порайонных значениях сохранилась в Алазань-Агричайской полосе, несмотря на этический и иные барьеры, возникшие здесь много столетий назад [20, с.196]. Указанное обстоятельство объясняется тем, что интересующая нас область в свое время была территорией союза албанских племен, и это сыграло известную роль в общности генофонда племен данной области [20. с. 196].

Исследователи также отмечали, что Западная часть Албании, так сказать, Грузинская Албания, действительно, огрузинилась: это древняя область Эрети, позднее вошедшая в пределы Кахетии [22, с.57]. Того же мнения придерживаются

и некоторые грузинские и армянские ученые [23, с.124, 128 213-214; 24, с.126; 25; 26, С.13].

Древние источники также сообщают что одним из албанских племен в данной области были «Эры». На картах римского географа IV в. н.э. Кастора, Равенского анонима (VII-VIII вв. н.э.) и Пайтингера (XVI в.н.э.) область, населенная эрами, названа «Егоон». В грузинских источниках эта область, расположенная в Северо-Западной части Албании, называется «Эрети», а население - «heri» [27, с.30].

Ученые полагают; что «Эры» по происхождению своему принадлежали к племенам восточно-кавказской семье [27, с.24; 23, с.124; 28, с.353], т.е. именно к той, к которой принадлежали и албаны. Интересно, что специалисты топонимию Загатало-Гахской зоны, т.е. района, где, как полагают, также обитали племена эров, считают албано-удинской. Важно отметить также, что еще в арабское время население Шекинской зоны называлось «удами», т.е. «удинами» [19. с372]. Следовательно, родственное население исторической Иберия (Картли) и смежных областей формировалось на базе племен и племенных групп - эров, кахов, кухов и т.д., о родстве которых сообщают древне-грузинские источники [30, с.63]. В этих областях в античное время была распространена единая так называемая ялойлутепинская культура [31].

Однако надо отметить, что, несмотря на все эти исследования, проводимые учеными, более уверенно говорить о появлении элементов христианства в Северо-Западной области Кавказской Албании трудно, ввиду отсутствия прямых сведений письменных источников и недостатка археологических данных. Древние авторы оставили сравнительно мало сведений об эпохе начала переселения народов. В особенности скупы их характеристики племен в Северо-Западной области Кавказской Албании

В последние два-три века до н. э. племенам Северо-За

падных областей Кавказской Албании пришлось иметь дело с проникавшими с севера племенам массагето-сармато-эламского круга, часть которых в дальнейшем осела на территории Албании [32, с.218].

Не малую роль в жизни албанских племен в Северо-Западной области Кавказской Албании и Южного Дагестана в последние века до н.э. играли так называемые верхние «аорсы» - племена сармато-массагетского происхождения [32, с.218].

Эти племена уже на рубеже нашей эры проникли в область Северо-Западной Албании и Дагестан и оказали, по-видимому, какое-то влияние на этнические процессы, протекавшие здесь.

Сведения же о широком распространении христианства среди племен в данной области именно во II-IV вв. н.э. сохранили произведения «отцов церкви». Некоторые их высказывания заслуживают особое внимание [33]. Данными высказываниями далеко не исчерпываются конкретные сведения о попытках распространить христианство среди отдельных древних народов Кавказской Албании. По сообщению средневековых источников, первые сведения о проникновении христианства в Албанию относятся ко II в. н.э. В частности, имеется довольно большая литература о проповеди христианства в Кавказской Албании [34, с. 25-37].

Ревностным проповедником христианства в Албании, по историческим источникам, был ученик апостола Фаддея - Егише, который был рукоположен первым патриархом Иерусалима, братом господним Иаковым, и, получив себе в удел восточные страны [35].

Албанский историк Моисей Каланкатуйский в «Истории страны Алуанк» пишет об этом более подробно так: «Но святитель Авраам говорил, что албанцы раньше приняли христианство чем иверцы... св. Егише проповедовал там

и построил там церковь раньше, чем в Армении, именно в селе Гис Церковь эта была матерью церковей Восточных, т.е метрополией» [36, кн. II, с. 48]. Эти сведения достаточно важны, поскольку албанские племена вступили в непосредственные контакты с Иерусалимом. При этом не приходится исключать значение проникновения групп миссионеров на территорию Албании и связанных с этим контактов и идеологических заимствований.

Существенно дополняют приведенные сведения исследования, касающиеся распространения раннехристианских религиозных представлений, основанные на анализе эпиграфических и археологических источников [1; 34]. На всей территории Кавказской Албании известны христианские епископы, и отсюда происходят соответствующие надписи, надгробья позднеантичного и средневекового времени и отдельные вещи с изображениями христианских религиозных символов [34; 35].

Следовательно, имелись явные предпосылки распространения христианства или хотя бы знакомства с новым вероучением населения Кавказской Албании.

Уровень социально-экономического развития населения Албании в позднеантичное время был достаточно высоким, как это показано в работах Р.Б.Геюшева, Дж.А.Халилова, С.М.Казиева, Г.О.Гошгарлы [1; 4; 5; 34]. Общество [I-IV вв. н.э.] характеризуют занятия интенсивным земледелием и скотоводством, выделение ремесла, оживленная торговля с соседними странами и денежное обращение. В эпоху военной демократии на стадии распространения территориальной общины чрезвычайно усиливается выделение родовой знати, все более закабаляющей рядового общинника. На могильниках появляются захоронения вождей и погребения, принадлежащие священнослужителям. Наряду с ними отмечены захоронения ремесленников и беднейших слоев общества [2].

Археологические данные о возможности распространения христианского вероучения в среде местных племен Кавказской Албании существенным образом пополнены в последние годы. Факты, свидетельствующие в пользу этого предположения, могут быть сведены к следующему.

На могильниках в Шеки-Закатальской области, как и на христианских кладбищах, имеются погребения с западной ориентацией, которые располагающиеся на всех более или менее полно исследованных памятниках обособленными группами, постепенно сменяя «кувшинные» захоронения, что, по-видимому, отражает общую для всей культуры эволюцию обряда погребения [37; 38; 39; 40; 41].

Именно для могил с западной ориентировкой погребенных особенно типичным представляется применение в их устройстве камня обкладка могил каменными плитами и перекрыть их нестандартными каменными плитами [42, с.48-71].

Эти погребения с западной ориентировкой, как и христианские, или совершенно лишены инвентаря, или имеют в заполнении немногочисленные детали одежды и, совсем редко, украшения в виде бус, колец и сережек.

Очень редко погребения с западной ориентировкой сопровождают один или два сосуда. Это посуда, предназначенная всегда для жидкостей. В кувшинных погребениях, как правило, гораздо больше число сосудов, причем различного назначения, от кухонной, использовавшейся для варки пищи, до тонкой, хорошо выделанной столовой - для еды и питья. По этой особенности, с западной ориентировкой погребения сближаются со средневековыми христианскими захоронениями, известными еще по раскопкам христианских могил в Карабахе [34, с. 108-113]. Однако же малочисленные материалы, обнаруженные в христианских могилах, имеют существенное значение для изучения христианского обряда могильных комплексов.

Следует отметить также, что погребение с инвентарем характерно для первого этапа истории христианства в Кавказской Албании. Точнее, этот обряд существовал до Следовательно это означает, что формирование христианского обряда захоронения в Албании требовало длительного времени, и христианское духовенство сразу не могло отказаться от дохристианских обычаев. Это явление наблюдается во многих раннехристианизированных странах мира, том числе и на Южном Кавказе [43; 44].

Сосуды для жидкости в погребениях с западной ориентировкой представлены чаще всего стеклянными кубками небольшими сосудами, а также глиняными чашами (Кишский могильник) [42, с.73-81]. Не исключено, что эти сосуды предназначались для священного масла, используемого в христианском погребальном обряде. Так в Кишском погребении были найдены стеклянные кубки и флакон. Такие сосуды никак не могли быть использованы для питья или быть поставленными в могилу с вином.

При этом обилие в ранних христианских могилах сосудов ряд ученых, объясняли тем, что при таинстве причащения, столь важном в христианском культе, причастие раздавалось на руки самим верующим. По причине этого «не только отдельные лица, но и целые семейства должны были иметь свои собственные, особые сосуды, исключительно предназначенные для получения святых даров».

Не исключено, что некоторые сосуды в отдельных случаях могут свидетельствовать о связях с подвергшимися христианизации областями Причерноморья и Перелив Востока [42, с.76-81, 99-105].

Конечно приведенный выше перечень определен! фактов сам по себе еще не решает вопроса о христиан! населения, жившего в Северо-Западной области Кавказской Албании, тем более, что имеются веские обстоятельства.

как будто противоречащие высказанному предположению и потому требующие объяснения. Прежде всего возникает вопрос, почему нет прямых свидетельств летописей о *проникновении* христианства на албанские земли до крещения Албании в 334 г. н.э.; если не считать сведений о существовании крещенной и искрещенного населения уже в I-II вв н.э. Само такое положение понять не трудно: для летописца глубокая древность представлялась смутно, а в настоящем или недалеком прошлом он стремился, прежде всего, фиксировать факты, имевшие государственное значение и их подготовку. Именно такой культурно-политической акцией было признание Урнайром христианства государственной религией. Тем не менее, как мы же видели, распространение христианства в Северо-Западной области Кавказской Албании не являлось мгновенным актом. Земли, обобщенно называемые Албанией, были объектом миссионерской деятельности. Моисей Каланкатуйский отмечал появление христианства у албан вместе с проповедью апостола Фаддея, а затем Егише в позднеантичное время, ополоски каких-то реальных проповеднических усилий, нашедших отражение в апокрифических сказаниях. Другое дело, что сила родовых пережитков и обществе, стоявшем на грани классового, политические события и прежде всего походы эпохи переселения народом не создали возможностей для распространения и развития в варварской среде нового вероучения.

После того как кочевники, начиная с гунского нашествия в IV в. н.-) оторгли земледельческое население Албании от постоянного взаимодействия с христианским миром, местные племена незамедлительно возвращались к старым религиозным представлениям и культам. Об этом позволяют судить сведения средневековых источников. Кстати, по этому же свидетельству мы заключаем о развитии монотеистических религиозных представлений, которые обычно говорят о таком развитии

общества, когда оно способно воспринять абстракции новой религии и ее философии. Несомненные признаки существования языческих представлений среди албанских племен, оставивших албанскую культуру, можно видеть и в находках каменных идолов на территории Кавказской Албании, и в наличии большого числа по сравнению с погребениями западной ориентировкой захоронений с кувшинными погребениями.

Наблюдения над значительным удельным весом языческих представлений означают, что в позднеантичную эпоху борьба с языческими верованиями не могла быть завершена. Как известно, что даже после официального принятия христианства в Албании в начале IV в. н.э., еще долго не исчезали идущие корнями к языческим временам поверья и предрассудки, в ряде случаев дожившие до наших дней.

Отсутствие на территории распространения албанских памятников некоторых христианских символов, как например, нательных крестов, не должно смущать при допущении гипотезы о проникновении в Северо-Западной области христианства в первой половине I тыс. нашей эры. В первые два века нашей эры и даже в начале III в. н.э. крестоорудие страшной пытки презирали и ненавидели. Только со временем он становится символом христианской церкви - эмблемой бессмертия и вечной жизни. Казнь на кресте, считавшаяся постыдной, была упразднена только при Константине Великом (306-337 гг.), т.е. одновременно с признанием христианства господствующей религией.

Крест не являлся изобретением христиан, крестообразный знак с глубокой древности считался магическим, связывали в частности с культом солнца, существовавшим у племен, оставивших албанскую культуру. Он, как и другие христианские символы, говорит о синкретизме христианского и языческого.

Надо, однако, отметить, что серьезные основания для более обоснованного допущения проникновения христианства в среду албанского населения дали исследование Зейзитского комплекса и сравнительно недавно опубликованные результаты раскопок в Кишском комплексе Шекинского района. В данных комплексах изучался небольшой участок могильника, на котором было открыто более 50 погребений с труположением, датируемые начиная со II в. н.э. Могилы группировались в пределах как Кишского так и Зейзитского храма и вокруг них. Отмечены случаи погребений в каменных склепах, катакомбе и грунтовых могилах. Во всех случаях они связаны с отображением раннехристианского характера погребения [42]. Погребенные имеют ориентировку запад-восток, как и в ряде памятников материальной культуры Кавказской Албании, положены на спину, обычно в вытянутой позе, но с неустойчивым положением рук. Верхние конечности чаще вытянуты, но также бывают сложены на тазу или груди. С умершим тогда в могилу клали монеты и надевали на руки браслеты. В то же время ставили сбоку или у ног погребенного сосуд (иногда несколько), предназначенный для жидкости, нередко типов, вполне сходных с албанскими стеклянными сосудами.

Нет сомнений, что, сравниваемые группы могильников, удаленные друг от друга на значительное расстояние, являются могильниками едины в этническом отношении племени. Следовательно, сходство верований и идеологических представлений о загробной жизни могло привести к единообразию обряда погребения.

Однако относительно племен, которые были расположены в Северо-Западной области Кавказской Албании у нас нет оснований предполагать широкое распространение новой веры в их среде и утверждать устойчивое закрепление с этим обрядовых норм. На настоящем уровне знаний вопрос о принятии

христианства частью местного населения в позднеантичное время окончательно решен быть не может но как гипотеза, в известной степени обоснованная, он должен быть поставлен и имеет право на существование.

Литература

1. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. - III в. н.э.) Баку, Элм, 1984, 236 с.
2. Гошгарлы ПО. Кишский могильник (традиция и инновация). В сб. История Кавказа, Баку, 2002, №2, Июнь, 2002, 120 с.
3. Алекшин В.А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя). Сб. Преемственность и инновации в развитии древних культур. Ленинград, 1981, 18-22 с.
4. Гошгарлы ГО. К вопросу об этнической принадлежности некоторых типов погребальных памятников Кавказской Албании. Сб. Археологическая конференция Кавказа. Тбилиси, 1998, 83 с.
5. Казиев СМ. Археологические раскопки в Мингечауре. В кн.: Общее собрание АН СССР, посвящ. 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М.-Л., 1948.
6. Ozguc Tahsin. On tarihte Anadoluda olu gomme adetleri ТТКУ, Ankara, 1948, seri VII, №17, s.27.
7. Ghirchman R. Fouilles des Sialk -Paris, 1938, p.36.
8. Contenan G. et Chirschman R. Fouilles de Tepe-Giyan. Paris, 1935, vol. III, V, p.34-35.
9. Early Hansen. Civilization in Thessaly - Baltimore, 1933, p. 67-68.
10. Гаджиев М.Г. О погребальном обряде горного Дагестана в бронзовом веке. - Уч. Зап. Даг. ФАН. Серия истор., 1956, т. XIII, 283.
11. Иващенко М.М. Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии. Изв. АН Азерб. СССР, 1947, №1.
12. Кикурадзе Н.Ш. Археологические раскопки в Даблагами: 25 лет Военской археологической экспедиции (1947-1972) Тезисы научной сессии и библиография. Тбилиси, 1973, с.45-46.
13. Османов Ф.Л., Ахвердиев А.Ю. Разведки в Агджабединском районе. В кн.: АО за 1974 г. М., 1975, с. 174.

14. Крупнов Е.Н. Новый памятник древних культур Дагестана: Опыт первого исследования Таркинского могильника 1947. МИА СССР, 1951, №23, с.224.
15. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 гг. - КСИИМК, 1952, вып. XIV.
16. Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент. - МАД, 1961, т.И.
17. Касимова Р.М. - Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960.
18. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М, 1974.
19. Абушелишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1964.
20. Воронов А.А. Антропологические особенности распространения групп крови в Закавказье. Антропология и геногеография. М, 1974, с. 196.
21. Воронов А.А., Лысенко М.П., Неуймин Н.Н. Этнические особенности распространения фермента Г-6-Ф-А в Закавказье. Полевые исследования института этнографии, 1974, М., 1975, с.250.
22. Марр Н.Я. Аракун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. Византийский временник. XII, 1-2, 1906, с.57.
23. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с.124, 128,213-214.
24. Меликишвили Г.А. История Грузии. I. Тбилиси, 1962, с. 125.
25. Очерки истории СССР. III-IX вв. М., 1958.
26. Дондуа В. Некоторые замечания на коллективный труд. «История армянского народа». (Сочинение). III Тбилиси, 1963, с. 13.
27. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М, 1979, с.30.
28. Джейранишвили Е.Ф. О первоначальном значении географического названия «Кичтих» Иберийско-Кавказские языки. XII. Тбилиси, 1962, с.353.
29. Крымский А.Е. Страницы по истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания) II Шеки, Сб. Памяти Н.Я. Марра. М-Л., 1938, с.372.

30. Коволевская В.Б. Скифы, Мидия Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели. Известия АН Груз.ССР (Серия история, археология, этнография, искусства), 1975, 3., с.63.
31. Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.
32. Алиев И Г. Асланов А. Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане. Древний Восток, 2, Ереван, 1976, с.218.
33. Моисей Каланкатуйский. - I, 4.
34. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании. Изд. Элм, 1984, с. 192 с илл.
35. Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986.
36. Моисей Каланкатуйский. История страны Алуанк. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1984, 257 с.
37. Ваидов Р.М. Археологические раскопки в Гявуркале МКА, Баку, 1965, т. VI.
38. Ваидов Р.М. Мингечаур в III-VIII вв. Баку, 1966.
39. Геюшев Р.Б. Амарас-Агоглан. Баку, 1975.
40. Еремян СТ. Раннефеодальные государства Закавказья. III-VII вв. В кн.: Очерки истории СССР. НИХ вв. М, 1958.
41. Казиев СМ. Историко-археологическое исследование Кабалы. МКА, Баку, 1964, т.V
42. Керимов В.И., Стурфиел Б. Киш. Баку, Изд. «Чашыоглы», 2003, 178 с.
43. Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895, т. I.
44. Чилашвили Л.А. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Племена, обитавшие в Северо-Западной области Кавказской Албании в эпоху (III в. до н.э. - III в.н.э.), характеризуются неравномерностью своего развития, что объясняется не только влиянием природных условий разных зон, но и в первую очередь степенью отдаленности разных районов от существовавших в то время крупных культурных центров. Культура в данной области отличалась своеобразием, что объясняется рядом причин. Данная область делится на три ландшафтные зоны: равнинную, предгорную и горную.

Исследование памятников данной области позволяет выявить некоторые локальные различия в культуре племен, живших в равнинных, предгорных и горных зонах на рубеже нашей эры.

Эта эпоха, применительная к Северо-Западной области Албании, получила наименование албано-сарматской.

Решение вопроса о северо-западной границе Кавказской Албании основан на анализе письменных источников, где отмечается, что в состав Кавказской Албании входил также весь Дагестан, включая его северные районы (1, с. 129).

Влияние албанской культуры хорошо прослеживается и в культуре древних племен на соседних территориях и за его пределами.

С другой стороны надо отметить, что на рубеже нашей эры наблюдались тесные контакты племен Северо-Западной области Кавказской Албании с сарматскими кочевьями. Однако в целом влияние Кавказской Албании было значительно сильнее, чем влияние сарматских племен, что закономерно. Наличие двух встречных культурных потоков - албанского с юга и сарматского с севера, позволило определить данный период в истории северо-западных племен как албано-сарматский.

Предварительный анализ археологического материала не оставляет сомнения в том, что на склонах Кавказского хребта, на территории Азербайджана и Дагестана в указанное время существовала единая культура, которая составляла один из локальных вариантов общей албанской культуры (2, с 58-59). Это хорошо прослеживается на дагестанских памятниках, частично на материалах грунтовых погребений в Тарки, Карабудакент и других могильных полях с грунтовыми погребениями. Во всех обследованных погребениях прослеживаются обряды сарматского захоронения, а также много общего с материалами из других синхронных памятников Кавказской Албании (3, с.224; 4, с. 160; 5, с.272).

Некоторые черты, свойственные обрядам погребения поволжско-кубанских памятников позднесарматской культуры, дали основание сблизить Таркинский могильник с сарматскими памятниками и видеть в этом не только результаты культурных связей местных племен Дагестана с сарматскими племенами юго-востока, но усматривать в этих фактах какое-то родство, и допускать частичное проникновение на Кавказ и самих носителей сарматской культуры (3, с.224). Наряду с этим нельзя считать возможным полностью приписывать эту культуру пришлому сарматскому этносу. Эта культура оставлена носителями «сарматоидной культуры Кавказской Албании (первые века нашей эры)» (3, с.225).

Следует, однако, отметить, что «сарматизированное» население Дагестана входило в состав Албанского государства и испытывало его политическое и культурное воздействие (5, с.272). Население Таркинского района в первые века нашей эры являлось частью смешанного населения из кавказских аборигенов (удинов), живших по западному побережью Каспийского моря, и сарматского племени аорсов (6 с 209)

Сделанные заключения по Таркинскому могильнику не вызывают никаких сомнений. Данный район расположен по соседству с

соседству с сарматскими племенами и потому взаимное их влияние естественно.

Анализ выявленных материалов позволил ученым поставить и решить ряд вопросов политического, социального, экономического и этнического характера данной области.

В археологическом отношении менее всего изученной оказалась северо-западная область Азербайджана. Проводимые здесь работы носили главным образом разведочный характер. В XIX - начале XX вв. н.э. интерес к памятникам данной области проявляли А.И.Фон Плотто, А.Посербский, А.А.Хаханов и другие. Систематическое исследование памятников началось в 30-х годах XX столетия (7, с.6).

Работы Д.Шарифова (8), Е.А. Похомова (9; .10), С.М.Казиева (11; 12), В.Н.Левиатова (13), Ваидова Р.М. (14), Иессен А.А. (15) и другие выявили памятники времен раннего средневековья, иллюстрирующие пребывание здесь албан вплоть до первых веков нашей эры.

Уже во время предварительных разведок 1979-1980 гг., проведенных Алазанским отрядом Кабалинской археологической экспедиции в Шеки-Белоканской области, было отмечено большое количество разновременных памятников. На берегу реки Алазани, у слияния ее с рекой Курой собран подъемный материал эпохи поздней бронзы и раннего железа. Памятники эпохи бронзы и античного периода зафиксированы в предгорной и горной полосе. Выяснилось, что у устья каждой реки, впадающей в реку Алазань, находились поселения, площадь которых, в ряде случаев достигала 7 га. Раскинуты они на холмах, компактно, и часто известны под названием «Горпаг гала». Одно из них, расположенное у слияния рек Агричай и Алазани, исследовано в 50-60-х годах Р.М.Ваидовым (14). На поверхности холмов алазанских поселений собрана ялойлутепинская керамика. Обратило на себя внимание наличие большого числа крепостей, часовен и культовых храмов.

С 1980 по 1987 гг. культовые памятники Шеки-Белаканской области стали объектом систематического исследования Алазанского отряда (7, с.6), которые представлены различными типами памятников, отразившими общие этапы их развития.

В целом, несмотря на то, что можно говорить о совершенно недостаточной изученности исследуемого периода в Северо-западном регионе Азербайджана, имеющиеся материалы позволяют дать общую характеристику культуры населения Кавказской Албании в албано-сарматский период.

Прежде всего необходимо отметить высокий уровень развития культуры северо-западных племен в это время, по крайней мере по сравнению с культурой населения центральных районов Северного Кавказа. Это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, близость высокоразвитых центров Южного Кавказа, и в первую очередь образованием Албанского государства: во-вторых, выгодным географическим положением, наличием удобного пути, проходившего через территорию Северного Кавказа и Южного Кавказа. Этим путем, несомненно, пользовались издревле. Однако, период последних веков до нашей эры характеризуется оживлением международной торговли в странах Южного Кавказа. В торговлю была втянута и северо-западная область Азербайджана, на территории которого проходил один из оживленных торговых путей того времени. Об этом свидетельствует, в частности, высказывание Страбона, который писал, что сарматское племя аорсы, владевшее большей частью побережья Каспийского моря, вело караванную торговлю (16).

Как показывают исследования ученых, развитие торговли вызвало бурный рост городов на территории Кавказской Албании, как и на всем Южном Кавказе.

Уже при первых планомерных археологических раскопах

на Кишском памятнике в селении Кит Шекинского района Азербайджана была отмечена его многослойность (17). В дальнейшем оказалось, что эта черта является характерной для подавляющегося числа памятников северо-западной области Азербайджана, которых в настоящее время известно не менее 70. Для всех них характерна многослойная стратиграфия: они имеют слои албано-сарматского и раннесредневекового периода, а в ряде случаев - ранней бронзы и эпохи раннего железа. Все эти открытые памятники материальной культуры Кавказской Албании находятся главным образом в предгорной, а также в горной зоне.

Памятники расположены на торговом пути, а поселения имели укрепления в виде каменных оборонительных стен.

Многослойность выявленных памятников в северо-западной области Азербайджана в подавляющем большинстве не позволяет отметить все особенности, характерные для данных сооружений албанского периода, поскольку его слои чаще всего были нарушены поздними перекопами. Сведения о древних поселениях албанского времени довольно фрагментарны, однако наличие каменных оборонительных стен четко фиксируется. Это наглядно видно в селении Орта Зейзит Шекинского района Азербайджана.

Тот факт, что слои албанского времени на территории памятника были нарушены более поздними напластованиями, затрудняет характеристику жилищ данного периода, которые были расположены на поселении. Тем не менее можно утверждать, что для памятников в северо-западной области Азербайджана была характерна каменная архитектура.

Следует также отметить, что и культовые памятники данного региона албанского периода отличающиеся своими размерами, которые были расположены на берегах рек.

Основанием для выделения слоев албано-сарматского и раннесредневекового времени на культовых комплексах

служит также керамический материал, своеобразие коего в Кавказской Албании определяется преобладавшим ангобированной керамикой, не характерной для других районов Кавказа этого времени. Наличие здесь такой керамики объясняется влиянием Южного Кавказа, в первую очередь керамических традиций Кавказской Албании. Ангобированная керамика к началу нашей эры известна по всему Южному Кавказу и всему Дагестану, столь же типична для древней Кавказской Албании (Ялойлутепинская) (18; 19).

Ангобированная керамика начинает широко распространяться в памятниках Кавказской Албании в первых веках нашей эры. В раннеалбанский период (III-I вв. до н.э.) она исключение. В это время преобладает сероглиняная, буроглиняная и розовоглиняная посуда с нелощеной поверхностью. В первых веках нашей эры ангобированная керамика занимает ведущее место: сероглиняные и розовоглиняные сосуды покрывались густым красным ангобом, а затем ложились. Бело-ангобированная керамика встречается в слоях этого времени значительно реже.

Сильное влияние Кавказской Албании на культуру северо-западных племен в первых веках нашей эры сказывалось в распространении и специфических формах ангобированной керамики, что особенно хорошо прослеживается на материалах могильников.

Могильники албано-сарматского времени на территории северо-западного Азербайджана исследованы крайне неравномерно, несмотря на то, что к настоящему времени здесь открыто более 20 погребальных комплексов. Большая их часть расположена в Алазанской долине, весь остальной это единичные комплексы, исследованные на различных могильниках, расположены в разных районах северо-западной области Азербайджана, что затрудняет сравнительную характеристику погребального обряда древних племен этих районов. Однако анализ материалов позволяет говорить о том, что почти вся

территория данной области охвачена в албано-сарматское время единой культурой, локальные особенности которой пока установить трудно. Следует, однако, отметить основные характерные для этой культуры черты.

Могильники албано-сарматского времени устраивались на холмах или на покатых склонах речных террас. Для них характерно наличие (часто в пределах одного могильника) разных типов погребальных сооружений: грунтовых ям, каменных гробниц, каменных ящиков и склепов, причем грунтовые ямы значительно преобладали. Это можно объяснить влиянием предшествующих традиций, так как грунтовые могилы были наиболее распространенной формой погребального сооружения.

Каменные гробницы были сложены из вертикально стоящих плит; каменные плиты перекрывали могилы. Погребения содержали индивидуальные, реже парные захоронения. Встречающиеся в данный период склепы воздвигались из камней и плит и были перекрыты плитами.

Склеп, к примеру, выявленный в Кишской могильнике был ориентирован с востока на запад. В нем были обнаружены кости пяти человеческих скелетов. Лаз был расположен в западной части склепа (17, с.48-71).

Таким образом, склепы, в отличие от других типов погребальных сооружений, служили для коллективных захоронений и использовались как семейные гробницы, а также являлись погребальными сооружениями социальной верхушки общества.

Разновидностью погребений также являются захоронения отдельных черепов. Отдельные черепа находились в ногах или под головой другого костяка. Ученые считают возможным рассматривать ту черту обряда как наличие жертвоприношений черепе врагов или социальна зависимых людей (6, с.201, 202).

Среди других особенностей погребального обряда необходимо отметить наличие в отдельных могилах кусочков угля или остатки угольной прослойки, изредка в могилах встречается мел и охра.

Наблюдаемая в могильниках на территории Шеки-Белоканской зоны первых веков нашей эры пестрота погребального обряда, проявлявшаяся в первую очередь в разнообразии погребальных сооружений, не была отражением пестрого этнического состава населения, оставившего эти памятники, а являлась следствием устойчивости древних традиций, так как все рассмотренные типы погребальных сооружений были известны на территории северо-западной части Азербайджана в более ранние эпохи.

Надо также отметить, что среди инвентаря рассматриваемых погребений наиболее распространены получили украшения и керамика.

Украшения представлены в большинстве своем теми типами, которые были характерны в данный период.

Таким образом, отмеченные различия в погребальном обряде объясняется не этническими, а социальными причинами, что в свою очередь свидетельствует о далеко зашедшем процессе социального расслоения у населения Шеки-Белоканской зоны в первых веках нашей эры.

И в заключение, хотелось бы отметить, что имеющиеся материалы позволяют говорить о наличии на территории северо-западной части Азербайджана в данный исторический период двух групп памятников, соответствующих, по-видимому, двум археологическим культурам. В первую группу входят памятники горной и предгорной части. Их характерными особенностями является наличие поселений, крепостей и монастырей, которые были расположены на трассе (торговой) пути. Пестрота погребального обряда, проявляется в наличии разных типов погребальных сооружений (грунтовых ям, каменных ящиков,

гробниц и склепов) и способов захоронения (вытянутое, скорченное, сидячее положение, вторичные погребения и захоронения отдельных черепов), что можно объяснить влиянием древних местных традиций. Имущественная дифференциация общества нашла отражение в многообразии типов погребальных сооружений, своеобразии керамического материала, испытавшего значительное влияние Южно-Кавказских культурных традиций - преобладание красноглиняных сосудов. Накопление и обработка новых материалов позволит в дальнейшем выделить внутри этой культуры локальные группы.

Вторая группа охватывает памятники равнинных районов в Шеки-Белоканской зоны. Их характеризует господство неукрепленных поселений единство погребального обряда грунтовые ямы с вытянутым положением костяков значительная имущественная дифференциация, проявлявшаяся в сочетании грунтовых и курганных могильников своеобразный набор серо-глиняной керамики, состоявший из кувшинов специфичный форм для традиций Кавказской Албании и сосудов иных видов распространенных и в других регионах Кавказа.

Своеобразие двух групп памятников объясняется, вероятно, некоторыми различиями в этническом составе населения. В сложении культуры данной области определенную роль играли и сарматские племена. Влияние сарматской культуры в Шеки-Белоканской зоне, как и в других районах Северного Кавказа, особенно хорошо прослеживается в первых веках нашей эры. В это время начинается господство вытянутого положения костяков в могилах. Этот процесс охватил население не только северо-западного района Азербайджана, но и предгорные и горные районы Дагестана.

Литература

1. Юшков С.В. О границах древней Албании. Исторические записки АН СССР. 1937, т.Г.
2. Халилов Дж.А. Могильник у сел. Рустов Кубинского района и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана; Пятые крупловские чтения по археологии Кавказа. Махачкала' 1974, с.58-59.
3. Крупнов Е.И. Новый памятник древней культуры Дагестана: Опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 МИА СССР, 1951, №23, с.224.
4. Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников местной и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, 1951, вып. XXXVII, с.160.
5. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. МИА СССР, 1951, №23, с.272.
6. Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудакент. МАК, 1961, т.П.
7. Карахмедова А.А. Христианские памятники Кавказской Албании. Баку, Элм, 1986, с.28.
8. Шарифов Д. Раскопки в Ялойлу-тапа, изд. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1927.
9. Похомов Е.А. Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. Известия АзФАН, №3, 1939.
10. Похомов Е.А. Кувшинные погребения из Мингечаура. Известия АзФАН №9, 1944.
11. Казиев СМ. Об археологических раскопках в Мингечауре. Доклады АН Азерб. ССР, №10, 1946.
12. Казиев СМ. Археологические раскопки в Мингечауре. МКА, в I изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1949.
13. Левиатов В.Н. Азербайджан с V века до н.э. по III в. н.э. Известия АН Азерб. ССР. №1, 1950, с.68-70.
14. Ваидов Р.М. Отчет об археологических работах на паккане (1963)-НАИИ, №5288, с.31.
15. Иессен А.А. Культура Ялойлутепе в Закавказье. ГАИМК,

1929, т.1.

16. Страбон. География. XI, 5, 8.

17 Керимов В., Стурфиел Б. «Киш» Баку, «Чашыюглу» 2003, с!83,73илл.

18 Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.

19 Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. - III в.н.э.) Баку, Элм, 1984, 236 с.

ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

В течение последних лет (2000-2007 гг.) проводились архитектурно-археологические исследования в северо-западной области Азербайджана. Характер работ определялся основными задачами: 1 - маршрутное (с разведочными раскопками) сколько возможно полное изучение всех сохранившихся памятников Кавказской Албании с целью составления его архитектурно-археологической карты; 2 - стационарные раскопки на некоторых памятниках Кавказской Албании, позволили выявить важнейшие центры христианской культуры в северо-западной области Азербайджана.

В данном исследовании, в известной мере, мы не касались многих деталей произведенных нами работ, освещая только их важнейшие, с нашей точки зрения, результаты.

При исследовании северо-западной области Азербайджана основное внимание было уделено изучению культовых сооружений Кавказской Албании, их истории, периодах строительства и упадка, что позволяет ставить вопрос о динамике жизни албанского населения, при этом опираясь на более широкий и разнообразный в социальном аспекте археологический материал.

Культовые сооружения Кавказской Албании во все времена были предметом заботы, которые выполняли в свое время определенные функции. Однако подобное отношение к культовым сооружениям не было оценкой их как носителей специфической ценностей, свидетелей культуры и искусства прошлого. Лишь отдельные памятники культового зодчества Кавказской Албании подверглись реставрационным работам. Данные реставрационных работ не имели своей целью сохранение или раскрытие особенностей их прежней архитектуры.

В период археологических изысканий нами был осуществлен ряд исследований некоторых памятников как: храмы в селениях Кии; и Орта Зейзит, что позволило составить данные, полученные нами, с данными разведочных раскопок А.Н.Фон Плотто, А.Посербского, А.А.Хаханова и других исследователей и получить возможно полное представление об истории данных памятников в северо-западной области Кавказской Албании (1, с.23-32; 2, с.48-488; 3, с.35).

В ходе наших архитектурно-археологических раскопок на памятнике Кишского комплекса мы вышли на уровень довольно мощного глинобитного пласта, где было выявлено культовое погребение эпохи позднего энеолита и ранней бронзы с основными элементами керамики Кура-Араксской культуры IV-III тыс. до н.э. Керамика, выявленная изданного захоронения говорит об использовании традиций культов в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы.

Как нам известно, в тех местах, где совершались жертвоприношения, устраивались алтари, пиры, капища, а уже в период распространения христианства на территории Кавказской Албании строились церкви и храмы (4). Тому подтверждение постройка Кишского храма на месте древнего культового захоронения IV-III тыс. до н.э.

На самом нижнем строительном периоде Кишского комплекса была выявлена первая (считая снизу) из исследованных нами стен каменного сооружения. Она была возведена (судя по выявленным керамическим предметам) не позднее II-I вв. до н.э. Стены выложены из крупных каменных глыб и имел ширину 110 см., при сохранившейся высоте 130 см. Датировка подтверждается керамикой, относящейся ко II в. до н. э. II в. н.э.

Было выявлено также, что в процессе функционирования данное сооружение подвергалась реконструкции и переделки. В частности с южной стороны стены была перпендикулярно пристроена еще одна стена.

Следующий период в истории Кишского храма - возведение новой стены, датируемой нами I-III вв. н.э., что подтверждено бытовой керамикой.

Исходя из краткости периода времени между строительством первой и второй стеной и значительной разницей уровней их подошв, мы считаем, что возведение новой стены было, в первую очередь, вызвано не разрушением старой, а очень быстрым ростом культурного слоя на территории комплекса (что неизбежно при очень насыщенном количестве могильников), в силу чего сооружение перестраивалось.

Вторая стена являлась синхронным с верхним третьим строительным периодом храма фундамента. Ширина фундамента достигала 85 см при глубине 90 см.

Показательно, что над остатками этой стены идет довольно мощный слой разрушений, в котором ясно видны остатки стен и использования строительного материала для захоронения на данном раскопчном участке.

Возрождение Кишского храма в следующем строительном периоде приходится - IV в. н.э. В этот период на слое разрушения, непосредственно под остатками более ранней стены храма, строится новая. Характер ее устройства почти полностью соответствует с ныне существующем планом Кишского храма, фундамент которого был устроен на более древнем фундаменте.

Таким образом, археологические работы на Кишском комплексе позволили представить характер культового сооружения на протяжении почти всего времени его существования, полагая уточнить его историю, смену периодов расцвета и упадка Кишского храма.

Но наиболее важные результаты по истории и культуры северо-западной области Кавказской Албании мы имеем при сопоставлении данных, полученных при исследовании Кишского храма, и данных, которые стали известны при изучении Зейзитского храма.

изучении Зейзитского храма. В частности, нами приводились исследование и изучение Зейзитского храма. Были проведены тщательные архитектурные обмерные и археологические работы. На участке Зейзитского комплекса были заложены шурфовые раскопки. Внутри храма был заложен стратиграфический раскоп.

Северная стена храма при стратиграфическом раскопе сложена из рванного горного камня с внутренней стороны, снаружи была облицована чисто тесаными камнями из известняка. Ширина стен достигала 80 см.

Фундамент достигал толщины 120 м и был выложен из крупных каменных блоков. Глубина заложения фундамента достигала не более 35-40 см.

На основании исследований Зейзитского храма и территории, где он расположен, где были также выявлены остатки ряд сооружений и погребения возведение храма мы относим V-IV вв. н.э. Важным обстоятельством является и то, что раскопы заложенные на территории комплекса дают ту же дату для своих самых ранних слоев.

Исходя из данных, полученных в период археологических раскопок на территории Зейзитского храма, можно говорить, что дальнейшая застройка территории комплекса и соответственно оформление его как самостоятельного монастырского комплекса относится к IX-XI вв., а до тех пор на этой территории существовал только лишь один храм. Именно тогда возводятся вокруг храма вспомогательные сооружения (кельи и часовни) с оборонительными стенами. Усиление стен приходится на период XI-XII вв. н.э.

Учитывая довольно мощный культурный слой над остатками сооружений на Зейзитском комплексе и отсутствие перестроек, время прекращения функционирования монастырского комплекса определяется с помощью данных, полученных в результате археологических изысканий.

Зейзитский комплекс пришел в негодность и перестал функционировать на протяжении XIX в.

Материальная культура, отраженная в инвентаре погребений как в Кишском, так и Зейзитском могильнике не просто аналогична, а полностью идентичная материальной культуре оседлого населения Кавказской Албании. Полное единство в свете материальной культуры сочетается со значительными переключками и в области погребального обряда. Здесь прослеживаются такие совпадения, как: одинаковая ориентация могил, преимущественное погребение покойников на спине, одни и те же позы погребенных, устройство закладки подбоев из камня скальных пород и известняка, а также большого числа безинвентарных захоронений. Все это свидетельствует о близком сходстве видов погребений как в Кишском, так и Зейзитском могильнике.

Таким образом, полученные при раскопках Зейзитского комплекса данные позволяют во многом изменить существовавшие ранее представления об истории Зейзитского храма. Но еще более возрастает их ценность при сопоставлении с данными, полученными при маршрутном обследовании памятников северо-западной области Кавказской Албании в целом (второе направление нашей работы).

Отчасти наша работа была облегчена тем, что северо-западная область Азербайджана уже изучалась археологами П.Барановским, Р.Ваидовым и А.Гарахмедовой (5) ограничивались лишь разведочными работами. А.Р.Ваидов в основном исследовал Кильсадагский храм, находящиеся на трассе караванного шелкового пути.

Основным итогом наших работ было не только обнаружение значительного числа новых, ранее не известных памятников различных эпох, но и, как нам представляется, появившаяся в результате этого возможность проследить динамику исторического развития северо-западной области Кавказской Албании.

Отдельные памятники эпохи античности и раннего средневековья зафиксированы в нескольких пунктах северо-западной области Азербайджана, которые можно датировать II-VII вв. н.э. В это время на данной территории существовало достаточно крупные поселения со своими религиозными храмами и монастырями. Значительный подъемный керамический материал, собранный в этих памятниках, чрезвычайно близки друг другу и заставляет нас думать, что в основном время существования этих памятников относится к периоду позднеантичному и раннему средневековья - II-VII вв. н.э.

Таким образом, в этот период северо-западная область Кавказской Албании имели довольно крупные религиозные центры со своими храмами и монастырями. Вокруг этих центров имелись отдельные жилища и поселения.

Резкое изменение характера расселения происходит уже в средневековый период. Вероятно, эти поселения со своими религиозными центрами продолжали существовать в старых границах, но остальные известные нам поселения со своими монастырями и храмами позднеантичного и раннесредневекового времени приходят в запустение. Вместо них возникают новые: Едди килисе, Киш, Зейзит, Кабиздар, Бидеиз, Кунгут, Джалут, Пипан, Буховлу и др.

Наиболее характерно для этого времени то, что все монастыри и храмы в северо-западной области Кавказской Албании сконцентрированы на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга - в непосредственной близости от городищ и поселений.

Ситуация несколько изменяется в средневековый период. Резко возрастает число поселений со своими культовыми сооружениями. Также продолжают существовать некоторые поселения, возникшие в позднеантичное и раннесредневековое время. Можно думать, что в это время вновь создаются большие храмовые комплексы с прилегающим к ним

поселений и феодальными замками. Видимо, в эту эпоху начинает формироваться постоянный торговый караванный путь из Азии в Европу.

Надо отметить, что некоторый упадок можно проследить в течении VII-VIII вв. н.э. Однако на период IX-XIII вв. н.э. приходится наивысший расцвет не только северо-западной области, но и на всей территории Кавказской Албании. Территория северо-западной области заселена в этот период достаточно густо. Жизнь продолжается как в значительной части поселений, существовавших в позднеантичное и раннесредневековое время, так и во вновь возникших поселениях. Именно в это время обживается вся северо-западная области Кавказской Албании, возводятся крепости, строятся монастыри и храмы. Целый ряд прежних небольших поселений превращаются в городища и религиозные центры, именно в это время монументальная архитектура данной области переживает свой расцвет, строятся и перестраиваются такие сооружения, как монастырский комплекс Едди килисе, Кишский храм, базиликальный храм в сел. Кум. Активно функционирует караванный путь, на трассе которого строятся в большом числе караван-сарай.

После монгольского завоевания территории Кавказской Албании начинается период упадка в северо-западной области и, хотя в XIV-XVI вв. наблюдается некоторое возрождение данной области, все же упадок в целом несомненен. Часть поселений с своими религиозные центрами прекращают свое существование, остальные резко сокращаются в размерах. Постепенно перестает функционировать ряд храмов и церквей.

Такова динамика исторического развития северо-западной области Кавказской Албании в течение длительного времени, как она вырисовывается на основании археологических исследований последних лет.

Литература

1. Барановский П.Д. Памятники в селениях Кум и Лекит в книге ААЗИ, Баку, 1947, с.23-32.
2. Ваидов Р.М., Мамедзаде К.М., Кулиев Н.И., Керимов В.И. Новый памятник архитектуры Кавказской Албании. АО, Наука, 1975, с. 487-488.
3. Хаханов А.С. Экспедиция на Кавказ в 1892, 1893 и 1895 гг.
4. Ямпольский З.И. Древняя Албании в III-I вв. до н.э. Баку, АН Аз.ССР, 1962,с.381.
5. Гарахмедова А.А. Христианские памятники Кавказской Албании. Баку, Элм, 1986, с. 28.

КРАСОТА АЛБАНСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Ювелирные изделия все больше привлекают внимание и, вызывают восхищение интересующихся историческими судьбами и зачатками азербайджанской национальной культуры. Она исходит не только из их исключительной исторической ценности, суть которой заключается в свидетельском показании общественно-экономического развития Азербайджана, а также из ощущения удовольствия от красоты форм отдельных предметов дающих представление о ловкости, способностях и остроумия их создателей. С данной точки зрения выступают на первый план интереса такие драгоценности и украшения разных видов, поскольку в них сохранилась многовековая мечта людей о красоте, стремление украшать ими себя свою среду, создавать таким образом искусные и художественные ценности.

Археологические материалы, содержащие богатые разновидности произведений ювелирного искусства, позволяют охарактеризовать это искусство как один из наиболее развитых видов искусств древнего Азербайджана. Прекрасное представление о широком диапазоне творчества ювелиров Азербайджана дают разнообразные серьги, диадемы, ожерелья, бусы, подвески, фибулы, пуговицы, застежки, браслеты, перстни, поясные пряжки, поясные наборы, головные уборы и амулеты.

За тысячелетия своего существования ювелирное искусство азербайджанского народа прошла большой путь развития от простейших способов изготовления изделий до самых сложных.

Многочисленные украшения и предметы из благородных металлов, относящиеся к XI в. до н.э., свидетельствуют о высоком уровне материальной культуры азербайджанского народа. Анализ обнаруженных изделий дает основание говорить о

совершенстве ювелирного искусства мастеров древности и его преемственности. Многие древние украшения дошли до нашего времени, сохранив свои формы или полностью, или в отдельных элементах, частично утеравших свое первоначальное значение.

В настоящее время внимания заслуживают не только работы ювелирные и художественной резьбы, а также изделия, литейщиков, кузнецов, стекольщиков и чеканщиков, производящие сильное впечатление отражением художественных представлений и эстетического чутья древних мастеров. Наряду с блестящими художественно-ремесленными работами, сохранившихся в небольшом количестве в разных коллекциях и сокровищницах следует подчеркнуть показательную способность памятников, обнаруженных в ходе археологических исследований, позволяющих заглянуть также в художественно-ремесленную продукцию и применение изделий в народной среде.

Эффективная сырьевая база существенно способствовала также развитию художественно-ремесленного производства. Территория исторического Азербайджана благодаря минеральному богатству стала одной из важнейшей экономической области Южного Кавказа. Азербайджан также богат и самоцветами, которые являлись важным сырьем для ювелирного дела.

Филигранные ювелирные изделия чрезвычайно разнообразны по форме, с множеством различных деталей и сложной композицией. Деталью изделий были многолепестковые цветы (солярный знак), рыбки, звездочки, листики, полумесяцы, «бута», конусообразные выступы «губбе». Отдельные фрагменты ювелирных изделий (рыба, солярный знак и др.) когда-то в древности служившие амулетами, талисманами и заклинательными знаками, в течение последующих веков изменили свое первоначальное значение и дошли до нас как декоративные детали.

Изделия украшались также драгоценными и полудрагоценными камнями, помещенными в сильно выступающий каркас - «юва». Наиболее любимыми были рубины, изумруды и бирюза, использовали также поделочные камни.

Методом филигрании изготавливались и золотые пряжки и пояса, которые состоят из нескольких прямоугольных филигранных пластин, соединенных штифтами. Фигурные пряжки и пояса также покрывались филигранью.

К лучшим образцам ювелирного искусства относятся разнообразные изделия из северо-западной области Кавказской Албании.

В развитии ювелирного искусства Кавказской Албании можно выделить два периода: IV в. до н.э. - I в. н.э. и I-VII вв. н.э. Для первого периода характерно производство таких видов ювелирного искусства, как подвески, бляшки, пуговицы, серьги, диадемы, ожерелье и браслеты.

Второй период как по богатству художественно-пластических форм так и по применению разнообразных технологических приемов является более развитым.

В плодородных землях северо-западной области Кавказской Албании поселениях и могильниках древнейшего албанского населения в раннесредневековый период предоставляют богатую материальную культуру и являются доказательством высокой формы производства и общественной организации. Это особенно выразительно проявилось не только в ранний период феодализма, а также на протяжении VII-XIII вв.

Албанское земледелие было основано на технике пахотного хозяйства с более высокой продукцией и более продуктивным скотоводством. Намного интенсивнее развивались ремесла, начали работать самостоятельные специализированные мастерские - металлургические, кузнечные, литейные, чеканные, гончарные и другие. Эти мастерские покрывали преимущественно потребности правящего класса,

домашние мастерские удовлетворяли потребности широких кругов простого народа. Открытие последних десятилетий „оказали, что еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа развивалось общество, которое создало условия для возникновения более развитых общественно-экономических формаций.

Результатом этого была сверхплеменная концентрация, которая перешла в первые государственные формации, в т.н. княжества, позже в их соединении в одно государственное целое - государство Кавказской Албании.

Каждый из правителей этого государства - Вачаган Храбрый, Ваче I, Урнаир, Вачаган II, Мирхаван, Сатай, Асай, Асуаген, Вача II, Вачаган Благочестивый - внесли значительный и притом своеобразный вклад в развитие и внутреннее и зарубежное укрепление албанского государства.

В албанский период возникли городские агломерации, совершенные фортификационные сооружения - городища, которые стали центрами политического и экономического управления широкого земледельческого тыла. Произошел всесторонний подъем ремесел, прежде всего специализированного производства. В значительной мере расширилась торговля с Востоком и Западом. Успешно развивалась и духовная культура. Важнейшими ее проявлениями были албанская письменность и просвещение.

Экономическое развитие имело огромное влияние также на социальную дифференциацию общества. Исходя из установленных фактов можно полагать, что Кавказская Албания являлась государством, организованным по принципу феодальных производительных отношений с многочисленными остатками древних общественных форм. Композиция албанских племен привело к формированию нового государства, в результате которого возник новый тип материальной культуры в которой сглаживались этнические элементы.

Многочисленным проявлением материальной культуры древних албан были украшения, которые по производству, формам и элементам создали очень широкую шкалу. К наиболее многочисленным ювелирным изделиям албанских женщин принадлежат серьги.

Наиболее древними образцами ювелирного искусства, обнаруженными в Мингечауре, являются кольцеобразные серьги, подвески и бляшки. Примером может служить шестигранная хрустальная подвеска VII-V вв. до н.э. в цилиндрической золотой оправе [1]. Ювелиром хорошо использовано соотношение геометрических форм деталей изделия - шестигранная форма хрусталя, плавно переходя в цилиндрическую золотую оправу, завершается подковообразной петлей (Фото 1).

К наиболее примитивным ювелирным изделиям Кавказской Албании являются лунообразные серьги, в конце первого периода - в I в. до н.э. и широко распространившиеся во второй период, особенно в I-III в. н.э. Они отличаются утолщением в средней части, иногда декорировались параллельными насечками, обозначающими основные элементы. Обнаружены и другие разновидности лунообразных серег, которые заметно отличаются от своих прототипов. Это дутые золотые серьги в виде колец с украшением под зернь (Фото 2). Верхняя часть серег закреплена двумя гвоздиками. Круговые ряды золотой зерни обогащают простую форму изделия эффективными декоративными мотивами. Зачастую ювелирные мастера довольствовались пластической выразительностью и красотой самого металла - золота.

Серьги в виде луны, возникли на основе астрального культа, в I в. н.э. распространившегося в Кавказской Албании. Традиционно изготавливались они и в средневековом Азербайджане.

Серьги первого периода имеют различные геометрические формы, но почти всегда их концы выполнены в виде

стилизованных змеиных головок и сквозными отверстиями, что свидетельствует, о сохранении ильного влияния культовых представлений.

Рассматривая развитие сере.; как особой художественной формы ювелирное искусство Кавказской Албании, было обращено внимание, что в течении длительною периода верхняя дужка сохраняла свой первоначальный круглый вид. Форма дужек почти не изменялась и во втором периоде, тогда как нижняя часть серег привеска приобретала различные формы. В этом отношении представляет интерес серьга ИМ вв. до н.э., обнаружении в Ялойлутепе. Здесь мы встречаем новую форму привесок, составленных из четырех отлитых зерень, расположенных пирамидально, которые припаяны к утолщенной центральной части дужки (Фото 3).

Серьги, относящиеся к V-III вв. до н.э. с привесками в виде треугольников (1) (фото 4), связанные с постепенно отживающими культовыми представлениями, не могли продолжаться во втором периоде, тогда как некоторые другие художественные формы, обусловленные культовыми представлениями, сохранились и во втором периоде, превратившись в чисто декоративные мотивы и став традиционными.

Серьги рассматриваемого типа были обнаружены и в Кабале. В более развитых формах они появляются и во втором периоде (2).

К концу первого периода появляются оригинальные серый, в конструкции которых дужка не отделена от привески, конструктивно они объединены и завершают друг друга. Этот принцип прослеживается в серьгах из Мингечаура, относящихся к I в. до н. э. (фото 5) (3). Эти золотые серьги составлены из плоских пластинок в форме круга. И верхней части вырезан эллипсовидный просвет, в результате чего образовалась дужка, а нижняя часть пластины стала привеской. Поскольку привеска занимает большую часть

композиции серьги, гладкая форма упрощала изделие. Поэтому древний ювелир обогатил ее дополнительным изобразительным мотивом, припаяв с лицевой стороны жуко-образную вставку из красного камня. В результате серьги приобрели желаемый художественный эффект.

В средневековом Азербайджане лунообразные формы серьги постепенно усложнялись за счет новых элементов. Например, в Мингечауре и в Шеки были обнаружены серьги (1; 4) относящиеся к XIII в. н.э. в виде вопросительного знака. Удлинением одного конца лунообразного изделия вниз мастер создал новый элемент - стержень, конец которого обвит четырьмя маленькими колечками с припаянной плоским диском. Таким образом, лунообразная форма превратилась в дужку, а стержень с припаянной пластиной образовал привеску.

Многие художественные формы древнего периода появляются в более сложных конструкциях уже в первые века нашей эры. К ним можно отнести ялойлутепинские серьги с привесками, составленные из отлитых зерень, которые обогатили декоративное оформление.

В серьгах I-III вв. н.э. выявленные в Мингечауре, к шарикам биконической формы были припаяны четыре литых зерни в пирамидальном расположении (фото 6) (5).

В других Мингечаурских серьгах с подобными декоративно-орнаментальными мотивами I-III вв. н.э. (фото 7) привеска состоит из 4 золотых шариков, между которыми припаяны по три зерни. К нижнему шартику припаяны массивные зерни в пирамидальном расположении.

В других разновидностях рассматриваемых серег (фото 8) шарик соединяется с дужкой совершенно новым способом - каждый из них имеет припаянные колечки, которые вдеты друг в друга. В серьгах выявленные также в Мингечауре V-VI вв. н.э. мы наблюдаем, что к кольцу припаяно ушко, которое слева и справа имеют по одному маленькому

колечку (фото 8). На вертикальный стержень ушка надеты красно-коричневая сердоликовая бусина, а затем белая круглая бусина, имитирующая жемчуг. В самом конце стержня украшение завершается маленькой круглой бронзовой пластиночкой. В этом изделии дужка обогащена ребристы ми поверхностями ушка и маленьких колечек, а привеска - цветовыми эффектами камней гармонирующими с цветом золотого кольца.

Применение сердолика в ювелирном искусстве Кавказской Албании носило неслучайный характер. На Кавказе с древних времен существовала вера в магическую силу сердолика (7. с.273). «Сердолик» - камень охристого тона, оберегал от смерти, болезней, даровал счастье и покой.

В данный период древними мастерами было использование эффекта цветных камней, которые в дальнейшем становятся основными элементами привесок. Золотые привески подчинялись декоративным формам цветных камней. Художественные композиции серег обогащались цветными камнями и стеклом в виде треугольника, круга, эллипса, прямоугольника и других геометрических фигур, которые диктовали форму изделия.

Так золотые серьги (фото 9) (8, с.71) I-III вв. н.э. обнаруженные в кувшинном погребении сел. Килагя Исмаиллинского района, представляют развитый тип предущих изделий. Их привески имеют вид граненного полушара, украшены мелкой зернью и десятью вставками красных камней, различных по размерам и по форме (круглая, овальная, треугольная, четырехугольная).

На верхней подковообразной стороне припаяно друг против друга два золотых колечка, которые, вероятно, были связаны дужкой.

Каждая привеска внизу заканчивается вертикальной золотой трубочкой, украшенной крупными золотыми шариками

ми пирамидальной формы; к ним припаяны три зерни, имитирующие виноградные кисти.

Учитывая закрытую форму с полой внутренностью двух последних серег, можно предположить, что в них наливали благовония.

Надо отметить, что изобразительные мотивы серег обогатились за счет разновидностей красных камней и пластичности решения формы привесок.

Следует однако отметить, что древние ювелиры освобождаясь от излишних, загромождающих композицию элементов, одновременно обогащали их новыми художественными формами. С этой целью одним и тем же мотивам они придали им различные изобразительные формы, а также создали новые орнаментальные мотивы и художественно-конструктивные формы.

Лаконичность и простота ювелирных форм не умаляет художественного достоинства изделий, которые наоборот получают большую художественную выразительность.

Золотые серьги уже III-VII вв. н.э. (фото 10) приобретают форму сердца. Сердцевидный камень вставлен в золотую оправу, имеющую сбоку по четыре золотых крючка, на которых когда-то были бусинки, создававшие оригинальное орнаментальное обрамление.

Рассматриваемые серьги, безусловно, являются большим достижением ювелирного искусства. Изготовивший их мастер сочетал простоту конструктивных форм с орнаментальностью декоративных мотивов.

В числе украшений в Кишском комплексе в сел. Киш Шекинского района была обнаружена золотая бусина с очень изящной техникой инкрустации.

Бусина биконической формы из листового золота. Бусина полая с двумя противоположными отверстиями. Вероятно это часть серьги, которые широко были распространены в Кавказской Албании. Датируется IX-XI вв. н.э. (Фото 11)

Ремесла филигранных ювелирных изделий в Азербайджане достигли большого совершенства. Они выполняли скат, грех типом плоскую, накладную и наиболее сложную бугорчатую, часто сочетая ее с зернью мелкими золотыми шариками, напаянными ласканный орнамент.

Филигранные изделия чрезвычайно разнообразны по форме, с множеством различных деталей и сложной композицией.

В северо-западной области Кавказской Албании обнаружены разновидности золотых перстней со вставками камнями, отличающихся богатством декоративного оформления и совершенством технологического исполнения.

Самые простые перстни (I-VII вв. н.э.) изготавливались из бронзы, железа, стекла, сердолика, кости и других материалов (9).

Художественный интерес представляет золотой перстень (фото 12) 11-111 вв. н.э. из Мингечаура. Богатая декоративность перстня достигнута умелым применением известных орнаментальных мотивов зерни. Гнездо, содержащее хорошо отшлифованный опальной формы бледно-красный с сиреневатым опенком камень - аметист, припаяно к шинке и обрамлено декоративным кругом из мелких зерень. Последним приемом украшена вся поверхность шинки с различной орнаментацией, имитирующей растительные мотивы.

Другой золотой перстень (фото 13) I-III вв. н.э. из сел. Киш I Пекинского района с красным вставным камнем. Камень один из разновидностей - «Агата» - «Кориол». На красном камне есть гравировка.

Перстень золотой, листовой. Жуковина припаяна к шинке и состоит из двух частей широкой пластины. У основания жуконины. но всему периметру припаяна мелкая зернь. С двух противоположных сторон жуковины также припаяны три мелких зерня. Перстень тонкой и изящной работы.

Широкое распространение в ювелирном деле имели по-

ясные наборы. Наилучшие образцы поясных наборов датируемые VI-VIII в.в. н.э. были обнаружены в период раскопа Кишского комплекса Шекинского района (Фото 14). Этот вид украшения изготовлялся из золотых пластинок различных форм с орнаментацией способом штамповки. Кишские образцы в основном имеют пятиконечную форму. На лицевой стороне по периметру пластин нанесены насечки. Внутренняя часть украшена силуэтами джейранов. Остальная часть внутреннего пространства заполнена мелкими вогнутыми точками. Как видно, древний ювелир мастерски пользовался способом штамповки, придавая плоским пластинкам пластическую, фигурно-орнаментальную форму.

Штампы наносились с обратной стороны, далее путем заклепок приделывали их к коженному поясу.

Художественный интерес представляет также обнаруженный в период раскопа в Кишском комплексе обломки металлических пластин, которые вызывают определенный интерес и по технике изготовления и по орнаменту на его поверхности. По обломкам данных пластин можно определить, что они располагались, вероятно на головном уборе в виде диадемы, выполненной в технике штамповки с изображением трехлепесткового цветка, елочного (колос зерна), круглого, спирального орнамента и сильно стилизованного изображения змеи. Спиральные завитки считаются символом воды и орошения. Рядом с золотыми пластинами были выявлены золотые нити. Возможно на головном уборе помимо диадемы из золота с перламутровым крестом была вышивка золотыми нитками, которая датируется IX-XI вв. н.э.

Необходимо отметить, что во второй период ювелирное искусство Кавказской Албании намного обогатилось как технологическими приемами, так и художественно-орнаментальными мотивами украшения. Усовершенствовались способы отливки,ковки и штамповки золотых изделий.

Старые конструктивные элементы изделий первого периода стали преобразовываться в новые пластическо-художественные формы.

С использованием цветных камней ювелирное искусство Кавказской Албании получило новое, светское направление. Новые технологическо-художественные принципы, выдвигавшие камни-вставки на первый план, дали толчок традиционному развитию ювелирного искусства с драгоценными камнями.

Исходя из художественно-исторического анализа ювелирных изделий, можно сделать вывод, что в рассматриваемый период древние мастера при создании золотых украшений руководствовались технологическими достижениями (литье, ковка и штамповка), эстетическими потребностями и господствующими культовыми представлениями.

Второй период I-VII вв. н.э. отличалась многочисленностью типов и богатством художественных форм ювелирных изделий и поэтому этот период по праву можно назвать расцветом ювелирного искусства Кавказской Албании.

В своих работах мастера подчеркивали действительность обработки орнаментальных мотивов, которые искусно пополняли новыми декоративными и жанровыми элементами, чем возникло множество необыкновенно замечательных украшений этого типа, которые символизмом приобрели более высокое эстетическое качество, но тем самым отодвинулась на задний план понятность мотива.

Еще недавно преобладало мнение, что все более пышные украшения, найденные на древней территории Азербайджана, не изготавливали местные мастера, а что являлись импортом. Производство драгоценных ювелирных изделий приписывали кочевым племенам. Но увеличивающееся число находок изделий показало, что эти изделия были продуктами домашних, высоко специализированных древних

ремесленников, которые с утонченным вкусом соединяли орнаментальные элементы художественных проявлениях других областей, культур и этнических групп, образуя новые композиционные целые и собственные украшения. Многие элементы древнего искусства живут поныне в народном искусстве и народных традициях.

Литература

1. Асланов Г.М., Голубкина, Т.И., Садыхзаде Ш.Г. Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку, 1966, с.68.
2. Казиев СМ. Археологические раскопки в Кабале. «И т. АН Азерб.ССР», 1945, №1, с.72.
3. Казиев СМ. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. «Изв. АН СССР», 1949, №9.
4. Керимов В.И., Стурфиел Б. Киш. Баку, «Чашмыюглы», 2003, 156 с.
5. Ваидов Р.М. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, вып.46, М., 1952.
6. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962, с. 188.
7. Марковин В.И. Сердолик - «камень счастья». «Новое в советской археологии». М., 1965.
8. Пахомов Е.А. Археологические обследования и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. «Изв. АзФАН СССР», 1939, №3, с.70-73.
9. Асланов Г.М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. КСИИМК, 1955, вып.60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятники, изучавшиеся в северо-западной области Кавказской Албании приходится главным образом на время принятия христианства. Рекогносцировочные маршруты в районе между Шеки и Закаталом выявили целый ряд христианских культовых сооружений. Здесь выделяются как сравнительно крупные монастырские ансамбли, так и небольшие храмовые комплексы, где отдельно стоящие храмы разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Образцом храмового комплекса является Зейзит в Шекинском районе селении Орта Зейзит Азербайджанской Республики. Его план представлен в виде крестовокупольного сооружения.

Противоположный полюс данным сооружениям являются монастырские сооружения. Из них на территории Кавказской Албании изучалось не достаточно полно. При ограниченном объеме исследования удалось наметить основные черты общей планировки, причем было высказано мнение, что перед нами остатки святилищ албанского времени. Во всяком случае монументальный характер данных комплексов не оставляет сомнений.

Наконец работы ученых за последние десятилетия были сосредоточены на изучении памятников христианского зодчества в период позднеантичного и раннего средневековья. Здесь особое значение приобретают археологические раскопки культовых сооружений, времени формирования феодальных отношений. С этой целью в 2001-2005 гг. были продолжены археологические исследования на храме Зейзит.

В ряде отношений получения здесь картины достаточно выразительно. Храм Зейзит стоит на возвышенности на краю села Орта Зейзит, с прилегающей к ней ряд сооружений с некрополем. Архитектурно-археологические исследования на памятнике указывают на наличие активной жизни в данной местности,

свидетельством чего являются многочисленные погребения и археологические материалы. К сожалению неоднократные перекопы местности, плохая сохранность степ храма, а также отсутствие источников не позволяет доскональное изучение Зейзитского храма.

Установление структуры Зейзитского храма и его сопоставлении с другими культовыми сооружениями остается одной из актуальных задач и архитектурно-археологических изысканий ближайших лет.

Для времени раннесредневековья большое значение имеет изучение динамики развития культовых комплексов и отдельно стоящих храмов, бывших артериями крупных городов Кавказской Албании. Опыт работ на Зейзитском некрополе показал перспективность сосредоточения усилий на рядовом культовом сооружении. Раскопки на Кишском, а затем Зейзитском комплексе привели к открытию целого комплекса культовых сооружений.

На данных комплексах в период археологических исследований были выявлены керамические, нумизматические, стеклянные и ювелирные изделия. Выявленные погребения на территории комплексов проливают свет на обрядность, а также этническую принадлежность населения северо-западной области Кавказской Албании.

CONCLUSION

The monuments, which were examined in the northwestern part of the Caucasus Albania, date back largely to the times when Christianity was accepted. Reconnaissance routes in the area between Sheki and Zagatala displayed a variety of Christian cult constructions. Both comparatively large cloister ensembles and small complexes of temples, where separately standing temples are situated quite far one from another, are outlined here. An example of a complex of temples is Zeizit, which is situated in Orta Zeizit village in Sheki province of the Azerbaijan Republic. Its plan is presented in the form of a cross and cupola construction.

Cloister constructions are contrary to these constructions. Situated in the territory of the Caucasus Albania, they were studied insufficiently completely. Under a limited volume of study, it became possible to outline main features of the general layout, and the opinion was stated that we were the eyewitnesses of the remnants of sanctuaries of the Albanian period. Anyway, the monumental character of these complexes leaves no doubt in this.

At last, the works of scholars over several past decades focused at study of monuments of the Christian architecture in late-antic and early medieval periods. The archeological excavations of cult constructions, which were being built when feudal relations were being formed, acquire particular significance in this sense. For accomplishment of this goal, archeological studies in the Zeizit temple were continued in 2001 - 2005.

In many respects, what the archeologists discovered was relatively expressive. The Zeizit temple stands on a hill on the edge of Orta Zeizit village surrounded by a series of constructions with necropolis. The architectural and archeological studies of the monument are indicative of existence of an active life in this locality, which is testified by numerous interments and archeological materials. Unfortunately, repeated re-excavations of the area, poor safety of the

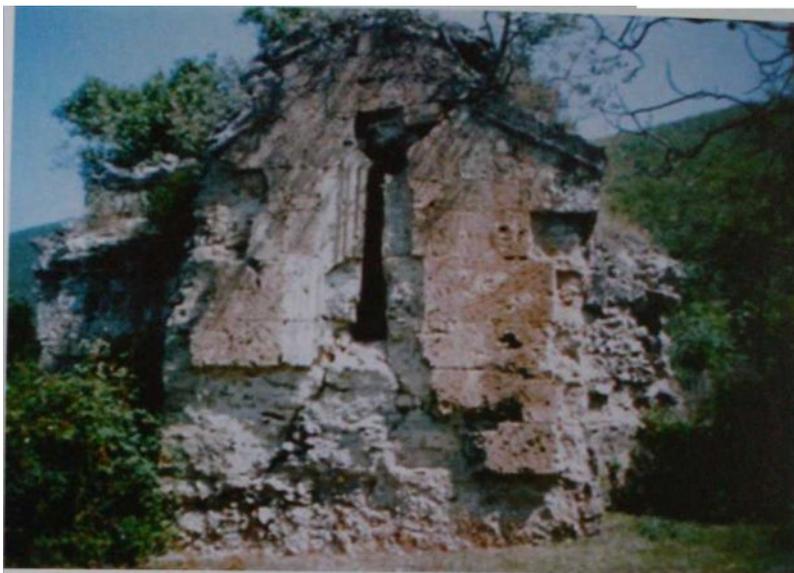
temple's walls, as well as lack of sources do not make it possible to conduct a thorough study of the Zeizit temple.

Identification of structure of the Zeizit temple and its comparison with other cult constructions are one of the major tasks of architectural - archeological studies in years to come.

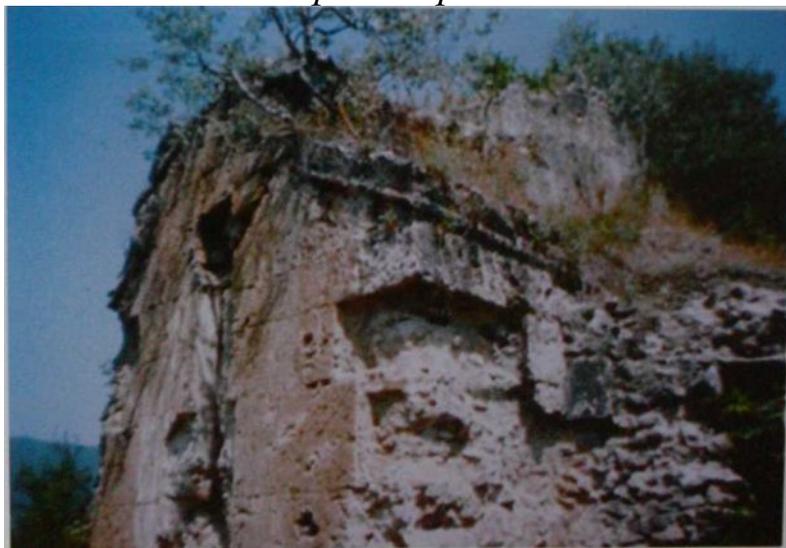
For the early medieval times, it is very important to study development of cult complexes and separately standing temples, which were arteries of big cities in the Caucasus Albania. The experience of work on the Zeizit necropolis has shown that focusing efforts at a common cult construction is promising. The excavations on the Kish complex and then on the Zeizit complex have led to discovery of a whole complex of cult constructions.

At these complexes, the archeological studies discovered ceramic, numismatic, glass and jewelry items. The discovered interments in the territories of the complexes shed light on ceremonial rites,, as well as ethnical belonging of the population of the northwestern part of the Caucasus Albania.

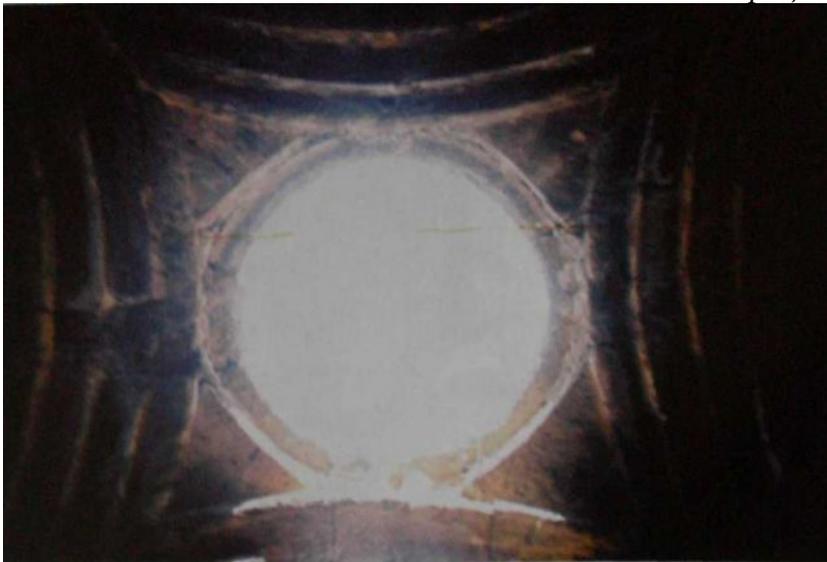
ИЛЛЮСТРАЦИИ

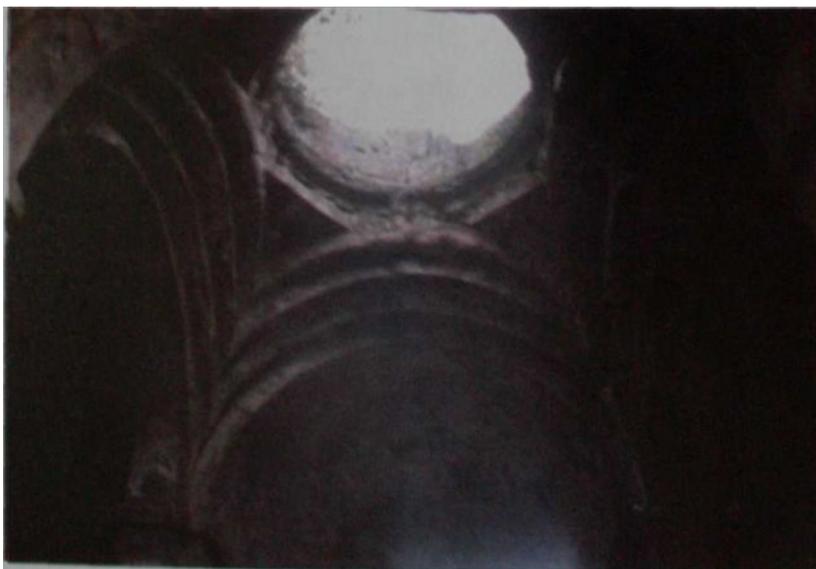
Южный фасад храма Зейзит

Фрагмент южного фасада храма

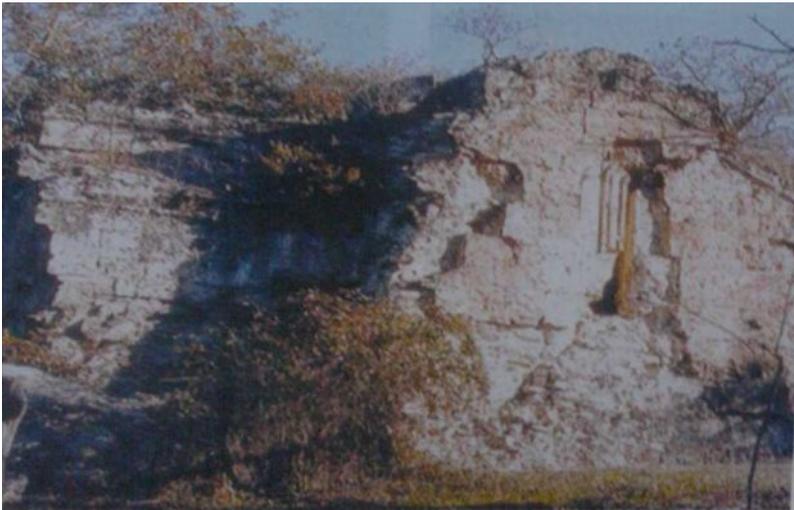
Переход от подкупольного пространства к куполу

Конструкции подкупольного пространства

Общий вид алтарной части храма

Общий вид храма с юга

4 иллюстрация

Конструкция подкупольного пространства со стороны алтаря

Профилированный оконный проем с тремя полувадиками

Фрагмент северной части стены храма

Фрагмент конструкции руковоов северной части храма

5 иллюстрация

*Юго-Восточный угол
средокрестия пилястры*

*Юго-Западный угол
средокрестия пилястры*

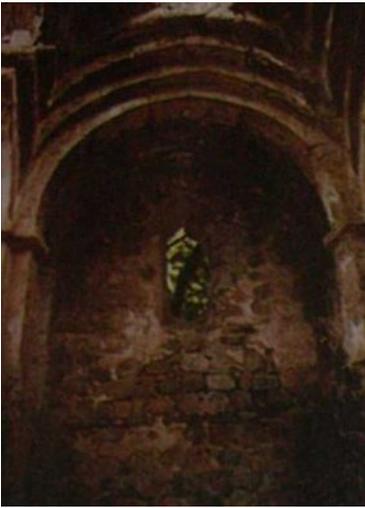

*Северо-Западный угол
средокрестия пилястры*

*Северо-Восточный угол
средокрестия пилястры*

6 иллюстрация

*Интерьер северной
части стены*

*Интерьер южной
части стены*

Выступ алтарной части

*Фрагмент алтарной
части храма*

7 иллюстрация

*Фрагмент кладки стены
из рванного камня*

*Фрагмент кладки стены
из чистотесанных
квадратов известняка*

*Фрагмент кладки
у основания храма*

Кладка стены внутри храма

8 иллюстрация

*Фрагмент раскопа
внутри храма*

*Раскоп северной
стены храма*

*Фрагмент стены
алтарной части*

*Фрагмент стены
и скамьи в храме*

9 иллюстрация

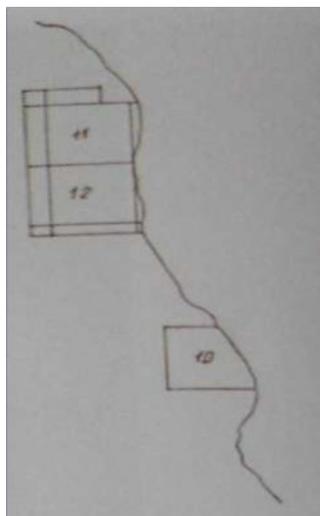
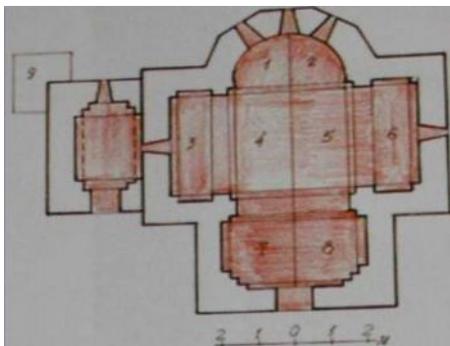

*Расчистка погребальной камеры №1
на территории храма Зейзит*

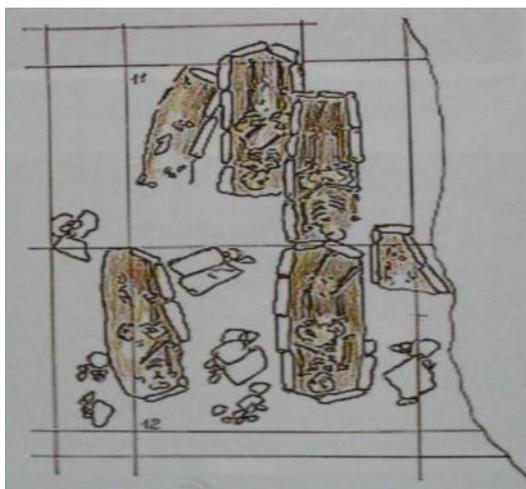

Скелет из погребальной камеры № 2

10 иллюстрация

План участка раскопа храма Зейзит

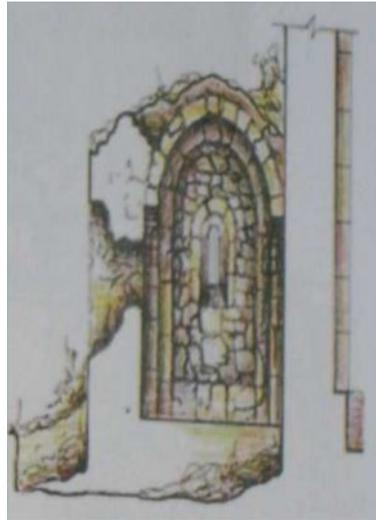

План раскопа 11, 12, квадрата

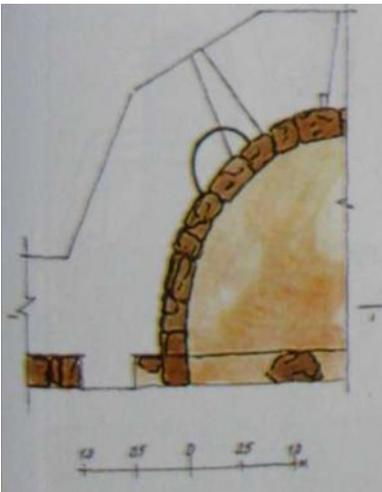
11 иллюстрация

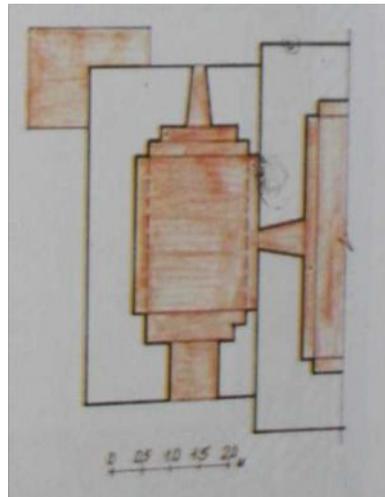
Разрез алтарной части храма

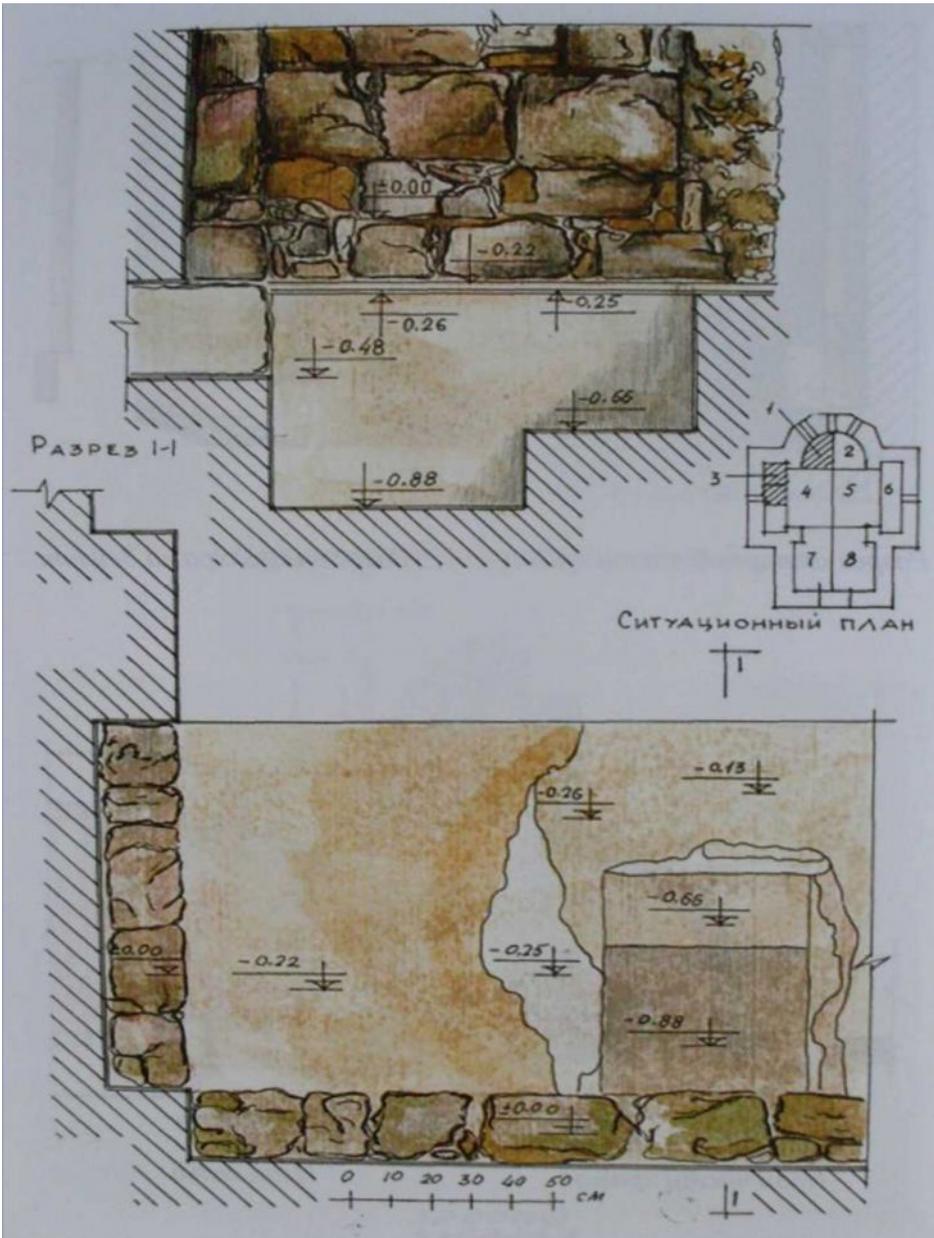
Разрез кельи храма Зейзит

План части храма

План кельи

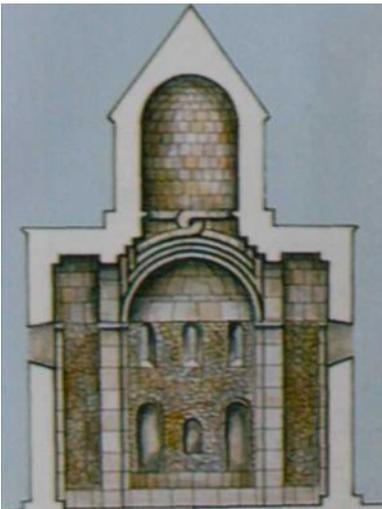
План и разрез участка раскопа 3 и 4 квадратов храма

Главный фасад.
Реконструкция

Главный фасад.
Обмерный чертеж

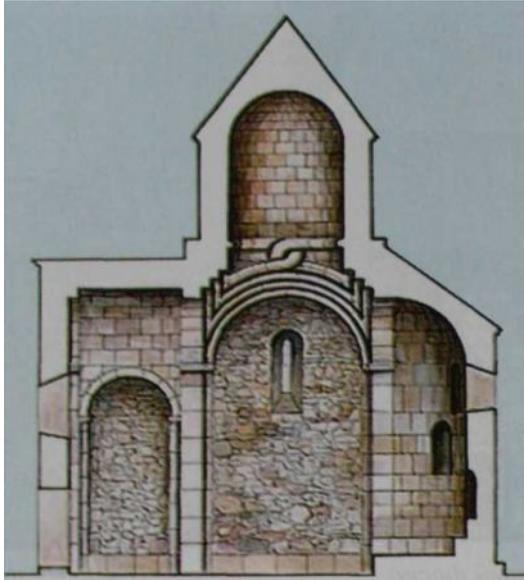

Поперечный разрез.
Реконструкция

Поперечный разрез
Обмерный чертеж

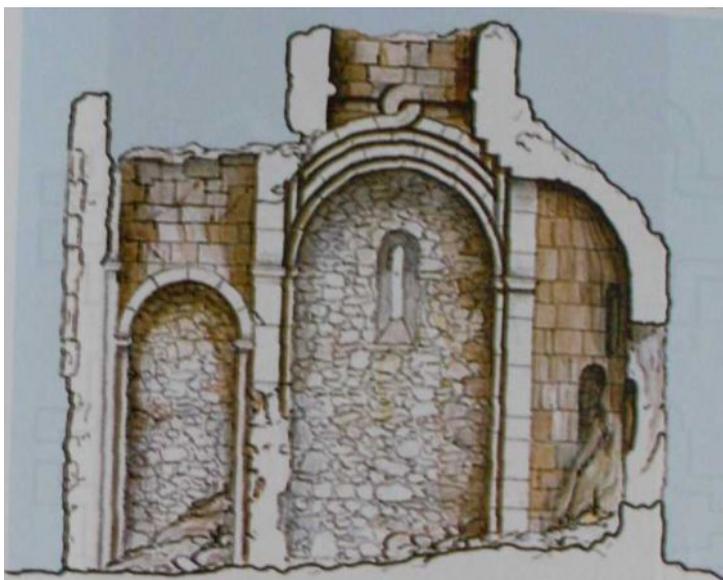
Храм Зейзит.

Боковой фасад. Реконструкция

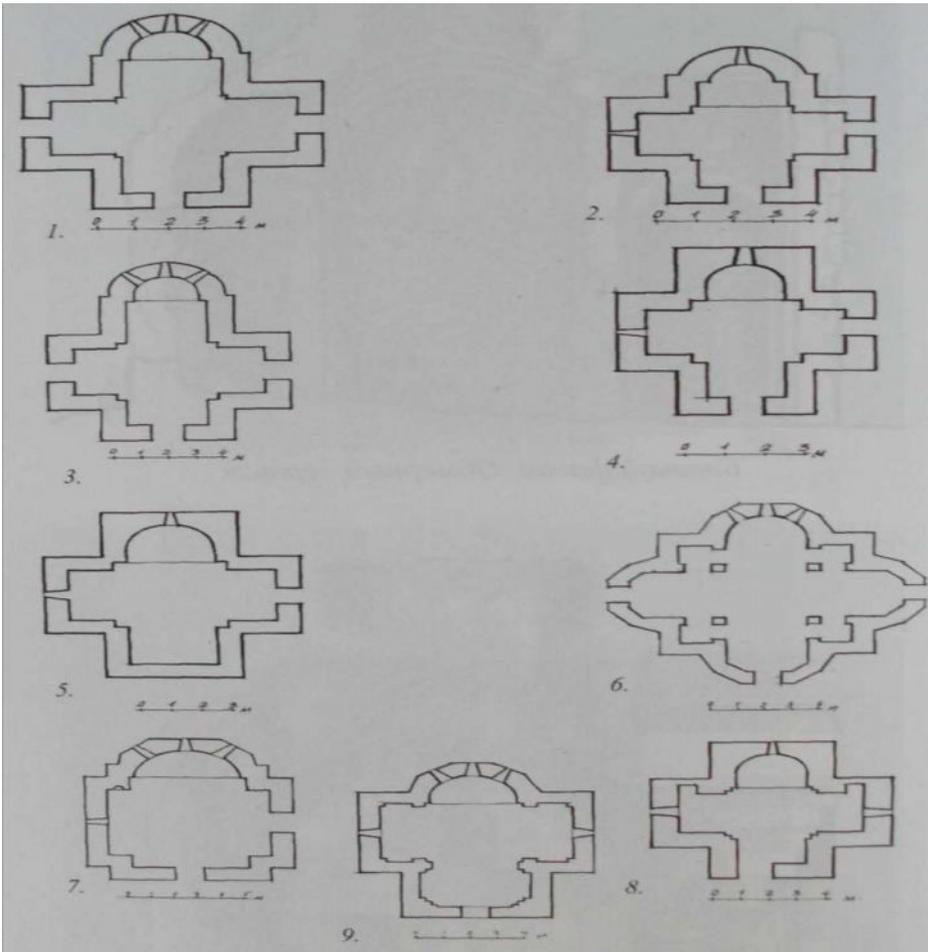
*Продольный разрез. Реконструкция
Храм Зейзит*

Боковой фасад. Обмерный чертеж

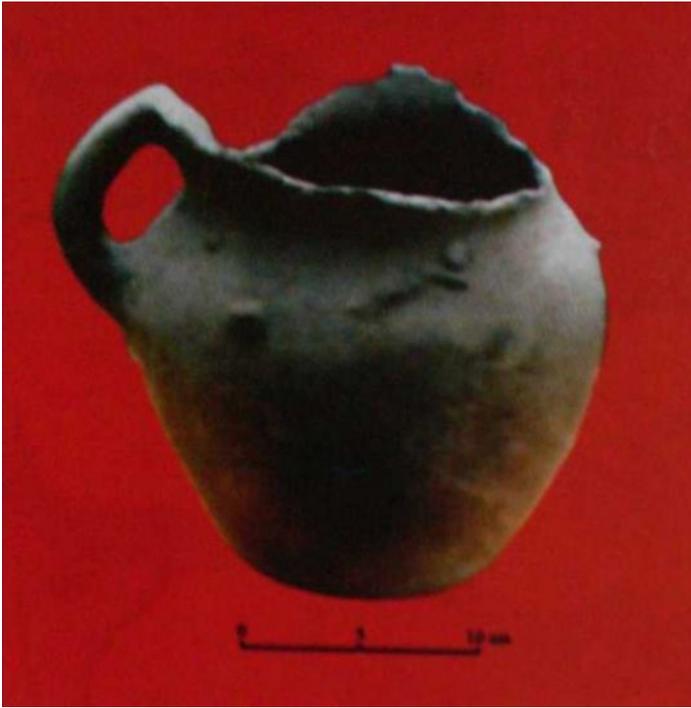

*Продольный разрез. Обмерный чертеж.
Храм Зейзит*

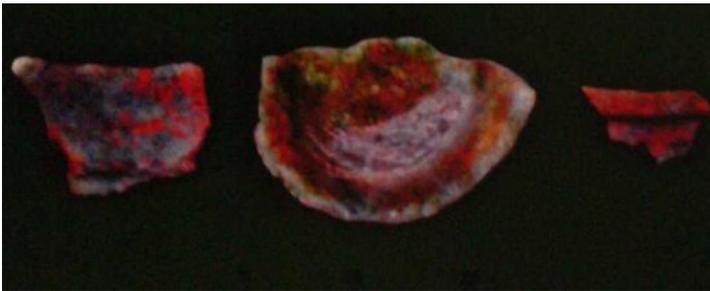

Сравнительная таблица планов крестообразных храмов.

1. Сентинский храм (Карачаево-Черкесия. XI в.)
2. Церков в сел. Бобошево (Болгария XII в.)
3. Храм Мангупа (Крым VIII-XI вв.)
4. Церковь Кармавор в Аштараке (Армения VII в.)
5. Церковь Самцеврнси (Грузия VII в.)
6. Храм Св. Апостола в Карее (Турция VII в.)
7. Церковь Камбиздар (Азербайджан V в.)
8. Церковь Св. Стефана (Армения VI в.)
9. Храм Зейзит в Шекн (Азербайджан V-VI вв.).

Кувшин II-III вв.

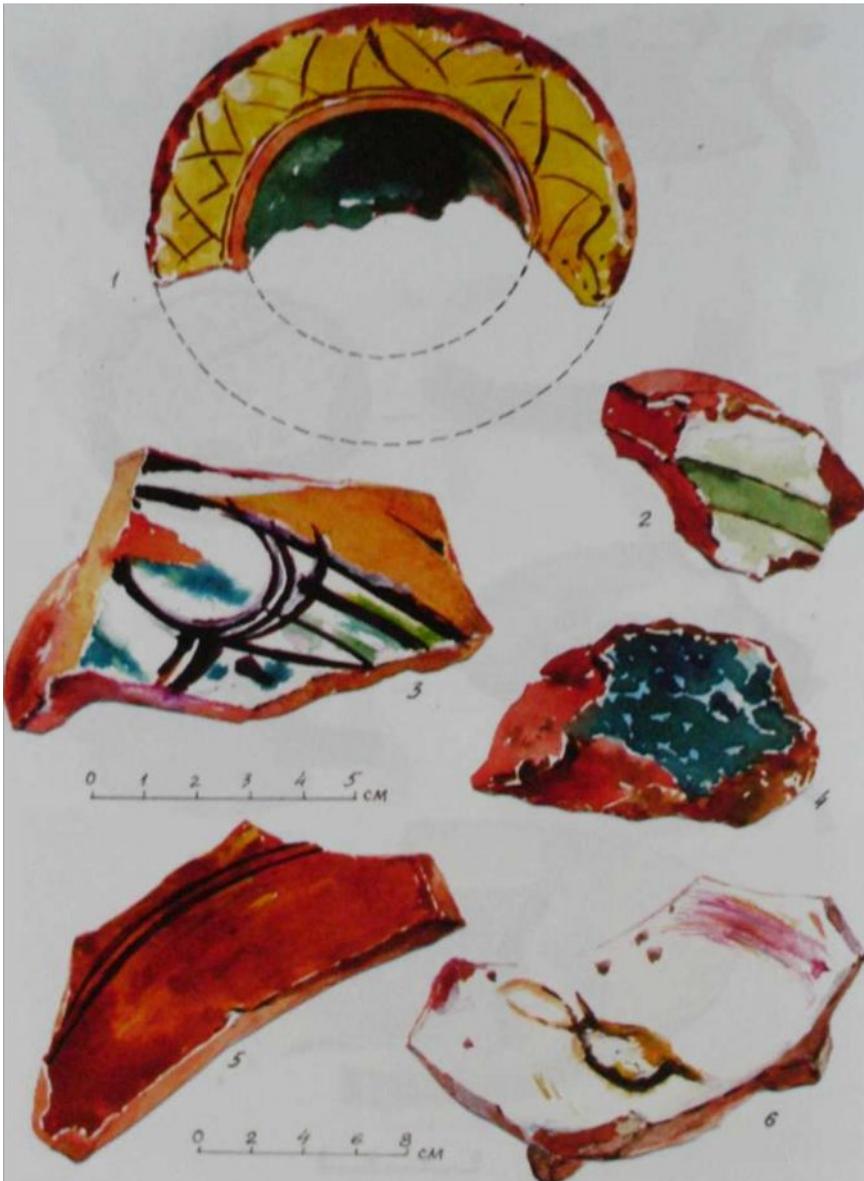
Котел II-IV вв.

Керамика VI-XIII вв.

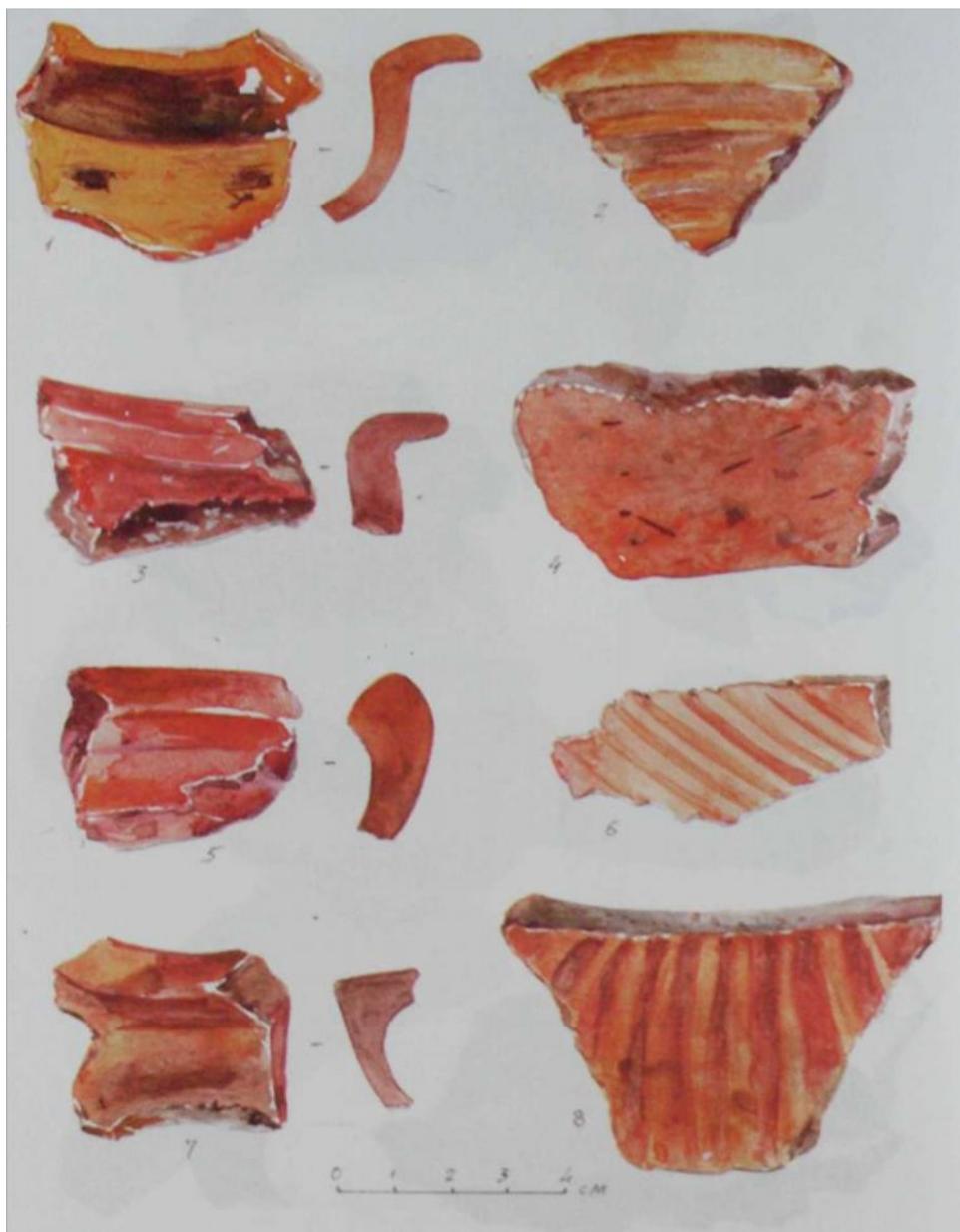
Фрагмент керамики VI-XIII вв.

Керамика XII-XIII вв.

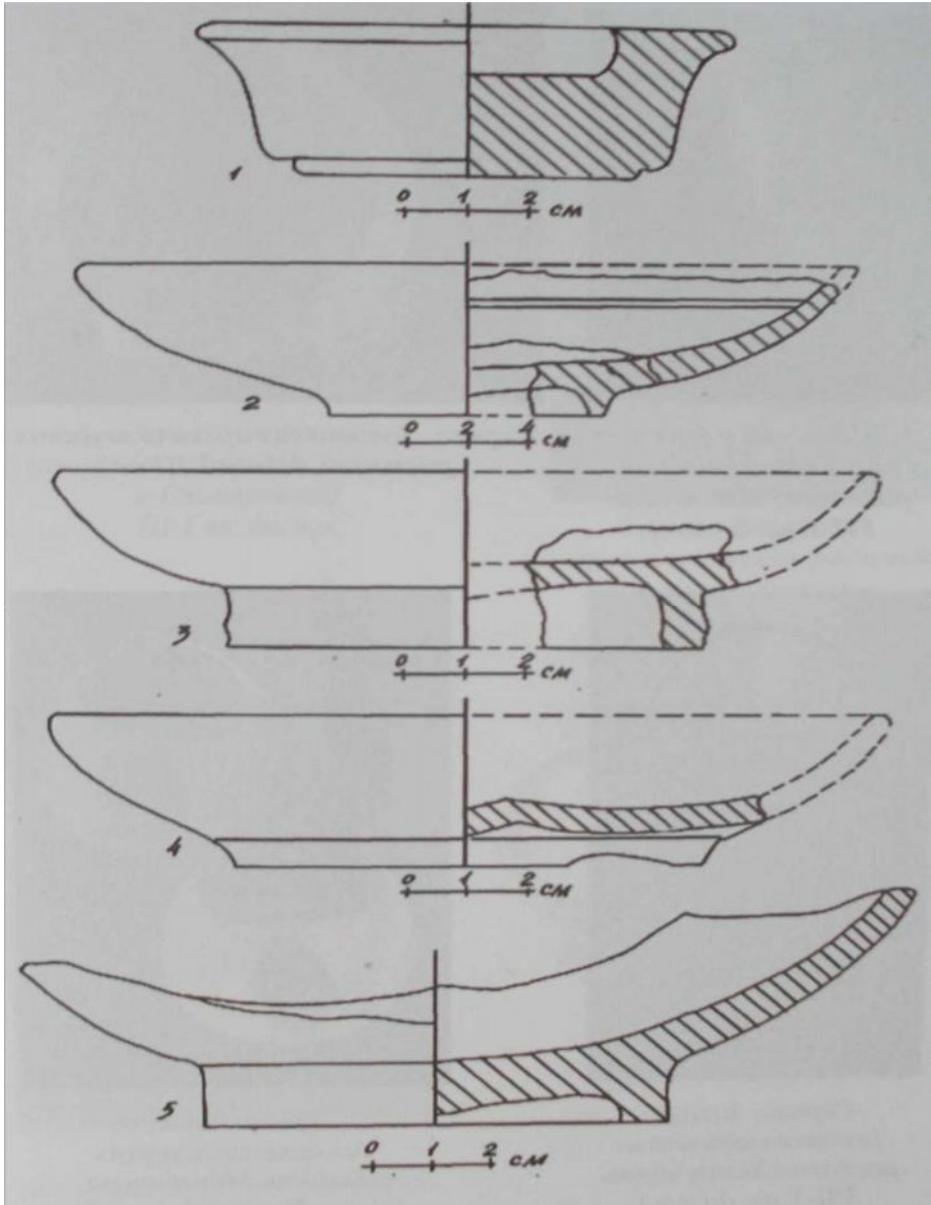

Керамика XIII-X вв.

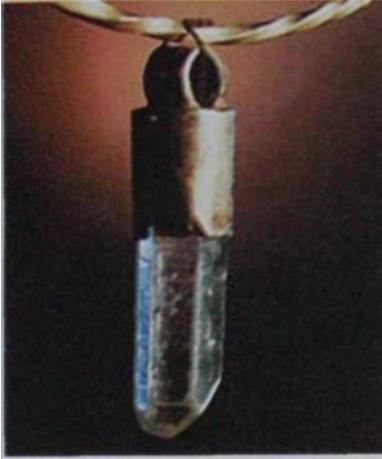

Керамика VIII-X вв.

23 илюстрация

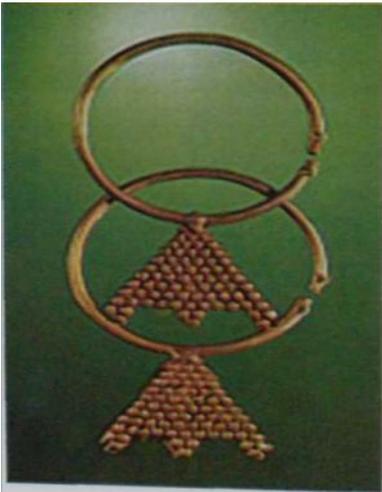
Блюда VI-XIII вв.

*Кулон. Золото и хрусталь
(из археологических
раскопок Мингечаур
VII-Vвв. до н.э.)*

*Серьга. Золото (из
археологических
раскопок, Шеки I-III вв.)*

*Серьги. Золото
(из археологических
раскопок Мингечаура
VII-Vвв. до н.э.)*

*Серьги. Золото
(из археологических раскопок Мингечаура
I в. До н. э.)*

Серьги. Золото
(из археологических раскопок в Ялойлутене) III-I вв. до. н. э.

Серьги. Золото
раскопок в Северном Кавказе) VI-VII вв. н. э.

Серьга. Золото.
(из археологических раскопок в Мингечауре) II-III вв. н.э.

Серьги. Золото.
(Из археологических раскопок в Мингечауре I-III вв. н.э.

*Серьги. Золото.
(из археологических раскопок
Мингечаура, I-III вв.)*

*Серьги. Золото.
(из археологических раскопок
Мингечаура, V-VI вв.)*

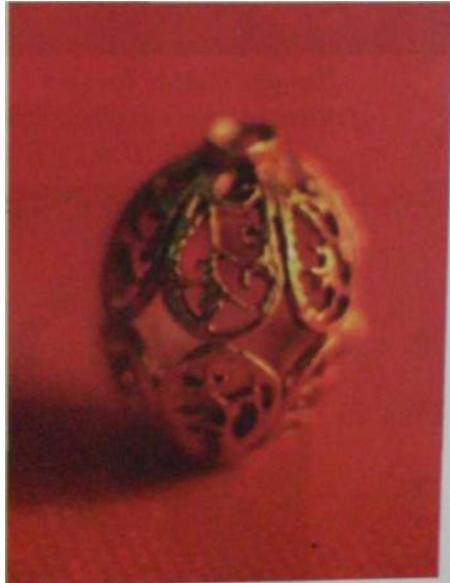
*Серьги. Золото. (из археологических раскопок
Исмаиллинский район, I-III вв.)*

Серьги. Золото из археологических раскопок, Кахский район I-III вв.)

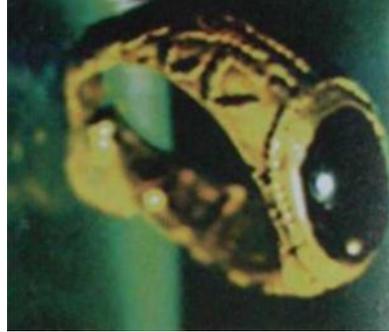
Серьги. Золото (из археологических Раскопок Мингечаура III-VIII вв.)

Бусина. Золото (из археологических раскопок, Шеки IX-XI вв.)

Кольцо. Золото
(из археологических раскопок,
Шеки I-III вв.)

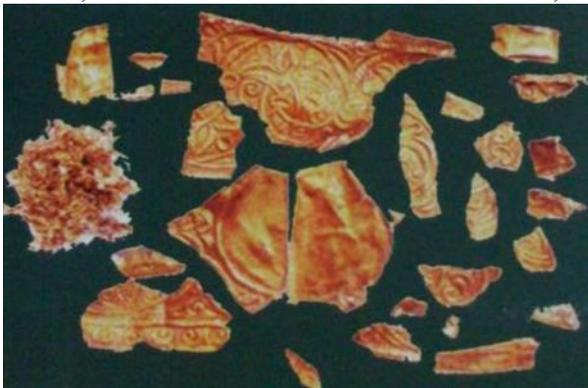
Кольцо. Золото
(из археологических раскопок
Мингечаура II-III вв.)

Деталь пояса. Золото
(из археологических раскопок,
Шеки VI-VIII вв.)

Кольцо. Железо
(из археологических раскопок
Шеки II-IV вв.)

Фрагменты головного убора. Золото (из археологических
раскопок, Шеки IX-XI вв.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОГО КУЛЬТОВОГО ЗОДЧЕСТВА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ.....	5
ХРАМ ЗЕЙЗИТ.....	6
ПАМЯТНИКИ ЗОДЧЕСТВА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ.....	23
КРЕСТОВОКУПОЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ.....	29
РАННЯЯ КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЮЖНОГО КАВКАЗА.....	31
О КУЛЬТОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ.....	35
ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ.....	51
ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ.....	62
КРАСОТА АЛБАНСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	83
CONCLUSION.....	85
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	87

Керимов В.И.

Храм Зейзит Кавказской Албании

Баку – «Элм» - 2008